
ДАВИД РУБИН
ЗАМОК ДЕЛОН
ЗАМОК СВЕТА И ТАЙН
ТОМ I

David Rubin

Серия: Замок Делон. Книга 1 Название: Замок, свет и тайна. Автор: Давид Рубин

https://litres.ru/74909152
SelfPub; 2026

Аннотация

В Париже идёт дождь, а у Дани заканчивается всё, что ещё держало его на ногах: сначала родители, теперь — дядя, граф Делон. Официально — несчастный случай. Слишком быстро. Без вопросов.

За неделю до смерти приходит письмо без подписи и без даты. Короткое. Жёсткое. «Не принимай официальную версию. Перстень — ключ. Доверяй только тому, кто сомневается.»

Поезд уносит Дани в Монако, к Замку Делон — величественному, холодному, будто давно научившемуся молчать. Там его встречает Виктория, молодая вдова графа: утончённая, сдержанная, слишком спокойная для дома, где только что оборвалась жизнь. На её пальце — фамильный перстень, который никогда не должен был покидать сейф.

Родственники съезжаются под одной крышей. Каждый со своим прошлым. Каждый со своей игрой. А замок уже знает больше, чем готовы признать его гости.

Кому можно верить, если правда спрятана там, где море слышно, но не видно? И что будет с тем, кто решится разгадать тайну Замка Делон?

Содержание

Замок Делон 1. 6
Давид Рубин 6
Краткое содержание 8
Глава I. Дорога в замок. 14
Глава 2. День 1. Описание замка Делон. 26
Воспоминание о последней встрече в Париже. 32
Описание Графа. 38
Ужин с Викторией. День 1. 42
Огюст. День 1. 48
Продолжение ужина в беседке. День первый. 52
Сцена в беседке и библиотеке. 58
Глава 3. Встреча в Аэропорту Ниццы. 63
Ужин, завещание и право первого действия. 69
Глава 4. Утро. Второй день в замке Делон. 77
Завтрак. 82
Завершение завтрака и оглашение первой части завещания. День 3. 85
Поиски начинаются. 91
Вечерний разговор. 94
Глава 5. Поиски первого ответа. 96
Завтрак загадок. Четвертый день. 100
Поиски продолжаются. 106
Вечерний разговор. 111

Дани в размышлениях. 115
Ночные размышления Огюста. 119
Конец ознакомительного фрагмента. 129

David Rubin
Серия: Замок Делон. Книга 1 Название: Замок, свет и тайна. Автор: Давид Рубин

Замок Делон 1.
Замок, свет и тайна

Давид Рубин

Copyright © 2026 by David Rubin

All rights reserved.

No part of this publication may be reproduced, distributed or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording or other electronic methods, without the prior written permission of the copyright owner.

First Edition

Краткое содержание

После загадочной смерти своего дяди Дани приезжает в старинный замок Делон, возвышающийся над побережьем Монако. Но вместо спокойного вступления в наследство его встречают письмо-предупреждение, семейные тайны и испытание, которое навсегда изменит его жизнь.

Каждый новый шаг приводит его всё ближе к разгадке многовековой тайны рода Делон. За стенами замка скрываются тайные комнаты, древние дневники, опасные секреты и правда, способная перевернуть представление не только о прошлом его семьи, но и о нём самом. Чтобы найти истину, Дани придётся понять, что самые надёжные двери иногда открываются не ключом, а памятью, разумом и мужеством.

Некоторые наследства приносят богатство. Другие меняют историю.

Замок, свет и тайна. Замок Делон 1. 0
Давид Рубин 0
Краткое содержание 2
Глава I. Дорога в замок. 8
Глава 2. День 1. Описание замка Делон. 17
Воспоминание о последней встрече в Париже. 22
Описание Графа. 27
Ужин с Викторией. День 1. 29

Огюст. День 1. 34
Продолжение ужина в беседке. День первый. 37
Сцена в беседке и библиотеке. 41
Глава 3. Встреча в Аэропорту Ниццы. 45
Ужин, завещание и право первого действия. 49
Глава 4. Утро. Второй день в замке Делон. 55
Завтрак. 59
Завершение завтрака и оглашение первой части завещания. День 3. 61
Поиски начинаются. 66
Вечерний разговор. 68
Глава 5. Поиски первого ответа. 70
Завтрак загадок. Четвертый день. 73
Поиски продолжаются. 77
Вечерний разговор. 81
Дани в размышлениях. 84
Ночные размышления Огюста. 87
Ужин, откровение. 95
Глава 6. Тяжелая ночь. 98
Глава 7. Поиски других ответов. 102
Завтрак загадок. 103
Продолжение сомнений. 106
Вечер и усталость. 110
Глава 8. День в Монако. 115
Продолжение разговора. 120
В ресторане. Монако, Дани и Виктория. 121

Глава 9. Приглашение Анжелы с семьей на яхту Арно Деверо. 126
Описание Арно. 128
Семья на яхте. 131
Французская семейная традиция. 135
Беседка у утёса. 137
Данио «сигнале» и свободной воле. 137
Глава 10. Тишина Огюста. Слова, которые остались в воздухе. 140
Ночная комната Огюста. 141
Книга. 141
Искушение. 142
Раскаяние. 142
Утро Огюста 143
Глава 11. Перед приездом нотариуса второй раз 145
Глава 12. Нотариус. 148
Ужин после оглашения второго задания. 153
Глава 13. Второй вечер на яхте Арно Деверо 157
Глава 14. Ночные, психологические размышления Огюста 161
Глава 15. Размышления Дани утром. 163
Глава 16. Ночь Анжелы. Джузеппе Кантарутти. 166
Глава 17. Вечерний звонок Профессору Джузеппе Кантарутти. 171
Глава 18. Завтрак 176
Огюст после завтрака. 178

Дани размышляет над кодом. 181
Глава 19. Снова завтрак. 187
После завтрака. Виктория. 190
Глава 20. Второй звонок профессору. 193
Глава 21. Виктория принимает решение. 196
Поездка в ресторан Дани и Виктории. 200
Прогулка после ужина. 204
Дорога обратно в замок. 208
Размышления Дани перед сном. 212
Утро Дани. 216
Размышления Виктории. 219
Глава 22. Поздний вечер. Тайна цифр. 222
Сон Анжелы. 224
Глава 23. Ночь Огюста. 229
Сны Огюста. 232
Пророческий смысл сна. 235
Глава 24. Завтрак в замке. 238
В саду после завтрака. 242
Подслушивающий Огюст. 245
Глава 25. Комната Огюста 248
Одиночество Огюста. 252
Сон Огюста 256
Глава 26. Размышления Дани перед ужином. 259
Глава 27. Виктория и её план 262
Глава 28. Ужин в замке. 265
Глава 29. Огюст. Прогулка в саду. 269

Глава 30. Семья Томаса в поисках. 275
Ночь Кэтрин. 278
Утреннее решение Томаса и Кэтрин. 279
Глава 31. Изабелла и «Предсказания Нострадамуса». 283
Глава 32. Поиски Семьи Марко Беллини. 286
Глава 33. После ужина. 289
Подготовка Виктории. 290
Глава 34. Дани и его работа. 293
Встреча в беседке. 295
Бар в городе. Возвращение в замок. 299
Виктория ночью в комнате Дани. 303
Глава 35. В комнатеАнжелыи Филиппо. 310
Глава 36. Огюст в раздумьях. 314
Глава 37. Анжела и ее сон. 317
Глава 38. 5 день. Утро. Дани проспал. 320
Завтрак. 323
Глава 39. Подготовка Огюста к похищению блокнота. 327
Глава 40. 5 день. Виктория и её поиски кода. 331
Глава 41. Огюст ищет блокнот. 333
Огюст с блокнотом Дани. 337
Глава 42. День приезда нотариуса. Второй раз. Завтрак. 340
Глава 43. Анжела и Филиппо напряженно ждут звонка. 344
Глава 44. 6 день. Виктория и Дани в саду. До приезда нотариуса. 347

Блокнот не найден. 351
Глава 45. Нотариус прибыл второй раз. 355
Объявление нотариуса. 357
Первая попытка. Томас и Кэтрин. 359
Попытка Изабеллы. 361
Попытка Анжелы и Филиппо. 362
Попытка Виктории. 364
Попытка Огюста. 366
Попытка Дани. 367
Объявление последнего задания. 368
Глава 46. Ужин после объявления последнего задания. 372
Разговор о подвалах. 375
Ночь Дани. 377
Конец 1 тома. Продолжение следует. 381

Глава I. Дорога в замок.

Был вечер в Париже. Низкие облака нависли над городом, моросил мелкий дождь, и в каплях фонарного света всё казалось слегка размытым, словно кто-то нарочно стёр чёткие границы между предметами и оставил лишь их воспоминания. Поздняя весна не приносила облегчения — лишь холодную сырость и странное чувство, будто сам город дышит вместе с его тоской, медленно, тяжело, через тысячи каменных фасадов, мокрых крыш и бесконечных улиц. Казалось, что весь мир грустит, и грустил не он один. Париж жил своей обычной жизнью: где-то смеялись в кафе, где-то спешили последние прохожие, где-то за запотевшими окнами ресторанов звенели бокалы, но всё это существовало словно за стеклом, отделяющим Дани от остальных людей.

Дани шёл медленно, вдоль Сены, слушая игру капель по мостовой и свой собственный внутренний голос, который не умолкал:

«Зачем всё это? Почему уходят те, без кого я не мыслил жизни?.. Сначала мама, потом отец. Теперь — дядя. Словно кто-то методично вырывает страницы моей судьбы. А я остаюсь здесь — пустой, никому не нужный. Но для чего? Чтобы ждать своей очереди? Или чтобы найти то, чего я до сих пор не понял? Придётся приложить усилия, чтобы эта боль

перестала болеть. Возможно ли это? Наверное да, но одному мне будет очень сложно...»

Он остановился у перил моста, всматриваясь в темную воду Сены, где отражались огни фонарей. Течение реки отвлекало взгляд и немного успокаивало душу. Вода несла на себе дрожащие золотистые полосы света, разбивая их на тысячи осколков, и Дани подумал, что человеческая память устроена почти так же: она не хранит прошлое целиком, а разносит его по бесконечным бликам воспоминаний. Он пытался поймать какой-то джазовый ритм, возникавший где-то вдали, возможно, из открытого окна бара на набережной, но ничего не получалось. Всё слышалось в каком-то структурированном хаосе. Эти звуки невозможно было к чему-то привязать, и он просто находился внутри них, позволяя им проходить сквозь себя.

«Может быть, всё это не случайно? Может, смерть — это не конец, а намек, приглашение к какой-то истине? Но какой?.. Почему я всё чаще чувствую, что за этими событиями стоит чей-то замысел? За последнее время я всё чаще стал ощущать присутствие какой-то силы в моей жизни. И мне становится спокойнее и увереннее с этим ощущением...»

Слово «замысел» отозвалось в нём странной дрожью. Он поймал себя на том, что словно слышит чей-то тихий шепот за спиной. Не слова, а само присутствие. Как будто кто-то стоял совсем рядом и терпеливо ждал, когда он наконец заметит очевидное. Он резко обернулся — и, конечно, никого

не увидел. Только прохожие под зонтами да спешащий таксист, который быстро сел в машину и растворился в потоке огней.

«Я схожу с ума, — сказал он себе. — Но, может быть, именно в этом безумии есть дорога к ответам? Может, то, что кажется случайностью, на самом деле часть закономерного узора, который мне пока не дано видеть и, самое главное, полноценно ощутить?..»

Он глубоко вдохнул сырой воздух и продолжил идти. В груди сжалось тяжёлое предчувствие: что предстоящее путешествие в Монако изменит его жизнь. Но каким образом — он не мог знать. Иногда судьба меняет человека громко, а иногда почти бесшумно, достаточно лишь открыть одну дверь, прочитать одно письмо или встретить одного человека.

На следующий вечер он уже сидел у окна вагона первого класса. За стеклом скользили мокрые огни ночного Парижа, постепенно растворяясь в темноте. Ритмичный звук колёс успокаивал, убаюкивал и одновременно подталкивал к размышлениям. Поезд казался живым существом, которое уверенно знает дорогу и не допускает сомнений, в то время как его пассажиры лишь делают вид, что управляют собственной жизнью.

«Если всё это не случайно?..»

Неделю назад пришло письмо. Короткое. Без подписи. Без даты. Теперь оно лежало во внутреннем кармане пальто.

В купе первого класса было тихо. Светильник над столиком отбрасывал узкий круг желтого света, за пределами которого тьма сгущалась плотнее, чем следовало. Странно, но именно эта граница света и темноты постоянно притягивала взгляд. Казалось, стоит посмотреть чуть внимательнее, и там обнаружится кто-то ещё. Дани не спал. Он достал письмо. Провёл пальцем по гербу рода. Сургучная печать была надломлена сильнее, чем он помнил. Возможно, это было воображение. А возможно — нет. Бумага хранила едва уловимый запах старой библиотеки, дерева и чего-то ещё, чего он не мог определить. Этот запах неожиданно напомнил ему кабинет графа. Он развернул лист и начал читать.

«Дани. Я совершаю ошибку, отправляя это письмо, но ещё большей ошибкой было бы промолчать. В этом доме всё выглядит так, как должно. И именно поэтому мне тревожно. Если со мной что-то случится раньше времени — не принимай официальную версию. Перстень это ключ и знак. Он там, где море слышно, но не видно. Доверяй только тому, кто сомневается.»

Последняя строка обрывалась. Поезд вошел в туннель. Стекло потемнело, отразив его лицо. На секунду ему показалось, что рядом с его отражением находится еще одна фигура. Неясный силуэт стоял чуть позади, слишком неподвижно для случайного пассажира. Дани резко обернулся. Пусто. Лишь приглушенный шум колес и дрожь вагона.

«Не принимай официальную версию.»

Смерть графа объяснили быстро. Слишком быстро. Несчастный случай. Внезапный сердечный приступ. Без подробностей. Без вопросов. Без расследований.

Если дядя предупреждал — значит, он ожидал.

«Железная дорога, — подумал он. — Как сама судьба. Ты садишься в поезд и уже не выбираешь путь — он предопределен рельсами и стрелочником. Можно лишь смотреть в окно и гадать, что ждёт впереди. Но есть ли у меня право на выбор? Или я лишь пассажир в чьём-то чужом плане?..»

Он вспомнил лицо дяди — властное, умное, с легкой насмешкой в уголках губ. Даже серьёзные вещи граф умел говорить так, словно проверял собеседника на способность видеть дальше очевидного. Он никогда не давал готовых ответов. Ему нравилось оставлять загадки. Теперь загадкой стала сама его смерть.

Сквозь прерывистый сон и раздумья Дани то и дело видел странные образы: размытые лица, мерцание свечей, длинные коридоры, уходящие в темноту, картины, от которых веяло тайной. Казалось, сам поезд несёт его не просто в Монако, а в пространство иной реальности, где прошлое и будущее постепенно начинают касаться друг друга.

Когда поезд остановился на вокзале в Монте-Карло, утро уже клонилось к полудню. Солнце играло на белых фасадах домов, отражалось в стекле и полированном камне, но в воздухе всё равно чувствовалась какая-то холодная торжественность. Дани шагнул на платформу с ощущением, что пере-

ступает невидимую границу — из своего привычного мира в пространство чужих жизней, старых тайн и давно начатых игр.

Замок Делон возвышался над морем — величественный, суровый, с темными башнями, которые, казалось, наблюдали за каждым гостем еще до его прибытия. Издали он напоминал не просто старинное строение, а огромный каменный корабль, навечно застывший над скалами. Солнечный свет касался его стен, но не мог полностью изгнать тени, прятавшиеся в узких окнах и под зубцами башен. В этом замке было что-то настораживающее, словно он слишком долго хранил чужие секреты и давно научился молчать.

Виктория (28 лет, Монако) — молодая вдова графа, утонченная, сдержанная, знает больше, чем признается, проявляет интерес к светской жизни, хорошо знает французскую и итальянскую кухню. Разбирается в винах.

Виктория входила в комнату так, будто пространство обязано было перестроиться под её походку. Не потому, что она требовала, нет, а потому, что она знала — пространство уже перестроилось.

Её фигура не была безупречной в банальном смысле. Плечи чуть острее, чем принято считать женственным, линия бедер не демонстративна, но именно эта недосказанность и создавала притяжение. В ней не было завершенности — и потому хотелось рассматривать её снова и снова, как слово,

которое невозможно перевести до конца.

Волосы были темными, но не черными, с тем оттенком, который постоянно обманывает взгляд: то каштан, то бронза, то внезапная ночная глубина. Она носила их так, будто забывала о них нарочно, и этим подчеркивала, что красота для неё не цель, а лишь побочный эффект существования.

Лицо её обладало редкой способностью меняться. В неподвижности — строгое и почти отчужденное, в улыбке — неожиданно юное, в гневе — тревожно красивое, как трещина на старом фарфоре. Особенно запоминались глаза. Даже не их цвет, а взгляд, который никогда не задерживался дольше необходимого, словно она опасалась, что кто-то сумеет прочитать её мысли раньше времени.

Она говорила мягко, но не ласково. Словно слова были не приглашением, а осторожным исследованием собеседника. И при этом в каждом её движении ощущалась тайная спешка. Не внешняя, а внутренняя. Будто время шло для неё быстрее, чем для остальных. Словно она знала что-то такое, что еще не стало известно другим.

Виктория не умела быть счастливой, но умела быть желанной так, что счастье начинало казаться чем-то второстепенным. Все родственники оказались под одной крышей, каждый со своим прошлым, амбициями и внутренними демонами. Их встреча в замке напоминала начало сложной шахматной партии, где фигуры уже расставлены, но никто еще не понимает настоящих правил игры.

Дани подъехал к замку Делон, когда солнце уже клонилось к закату. Поездка на поезде оставила ощущение медленного погружения в другой мир, где каждый звук и запах казались насыщенными смыслом. Замок возвышался над морем, его тёмные башни и мощные стены словно дышали старыми тайнами. Ветер доносил запах соли, мокрого камня и цветущих садов, скрытых за стенами. Всё вокруг казалось знакомым и одновременно чужим. У ворот стояли слуги. Они не улыбались, но движения их были точными и выверенными. Дани заметил, что каждый взгляд и каждый кивок здесь имеют значение. Замок словно изучал его глазами своих обитателей.

— Добро пожаловать домой, мсье Дани — произнёс высокий слуга с седыми висками и внимательным взглядом. — Мы ожидали вашего приезда.

Дани сразу узнал Огюста. На мгновение исчезли десятилетия. Перед ним возникли детские воспоминания: запах старой библиотеки, длинные летние вечера, прогулки по саду и голос графа, рассказывающего очередную историю, которая всегда заканчивалась загадкой.

— Огюст... — тихо сказал он.

На лице старого слуги появилась едва заметная улыбка.

— Рад видеть вас вновь, мсье.

Дани кивнул, ощущая лёгкую тяжесть памяти. Он шёл по

длинной аллее к замку, где каждое дерево и каждый камень казались свидетелями чужих судеб. Дом словно помнил всё.

В большой гостиной, освещенной мягким светом старинных люстр, его ждала Виктория. Она стояла у окна и смотрела на море. Закат окрашивал комнату в золотисто-медные оттенки, и на мгновение Дани показалось, что она не заметила его появления. Но когда их взгляды встретились, он понял, что она знала о его присутствии задолго до того, как повернулась.

Когда её взгляд встретился с ним, Дани ощутил странное сочетание спокойствия и напряжения — как если бы в этом доме время и пространство подчинялись каким-то своим правилам. Он уже собирался сделать шаг вперёд, когда его внимание неожиданно привлекла её рука. На безымянном пальце правой руки поблескивал старинный перстень с темным камнем и гравированным львом — гербом рода Делон. На мгновение всё вокруг словно замедлилось. Этот перстень он узнал сразу.

Несколько лет назад дядя показывал его в своём кабинете. Тогда граф достал украшение из сейфа с такой осторожностью, будто держал в руках не драгоценность, а часть семейной истории.

— Есть вещи, которые никогда не должны покидать свое место без серьезной причины, — сказал он тогда.

Дани хорошо запомнил эти слова. Именно поэтому сейчас внутри него что-то дрогнуло. Перстень должен был на-

ходиться в сейфе. Всегда. Даже Виктория никогда его не носила. Если перстень оказался здесь, значит кто-то открывал сейф после смерти графа. Или ещё до неё. Их взгляды встретились. На едва уловимое мгновение пальцы Виктории напряглись. Слишком быстро, чтобы другой человек обратил внимание. Но недостаточно быстро для Дани. Она поняла, что он узнал перстень. Однако её лицо осталось совершенно спокойным.

— Этот дом хранит много секретов, — произнесла она мягко. — И часть из них открывается только тем, кто готов их увидеть. Слова прозвучали естественно, но теперь Дани услышал в них другой смысл. Виктория медленно провела большим пальцем по тёмному камню, словно машинально касаясь старого воспоминания, после чего направилась к небольшому столику у стены. Послышался едва различимый металлический звук. Когда спустя несколько минут они покидали гостиную, ее рука была уже без перстня. Позже, за ужином, на том же пальце появилось совсем другое украшение — тонкое кольцо с маленьким бриллиантом, легкое и почти невинное. Но Дани уже не мог забыть увиденное. В памяти неожиданно всплыли строки письма. «Перстень — ключ». Он почувствовал, как внутри медленно исчезает привычная дорожная усталость и скорбь последних дней. На их место приходило другое чувство. Холодное и сосредоточенное. Почти охотничье. Если перстень действительно покинул сейф, значит кто-то достал его намеренно. И если Викто-

рия надела его именно в день его приезда, это едва ли могло быть случайностью. Впервые после смерти дяди Дани ощутил не боль утраты и не растерянность. Он почувствовал другое. Ощущение того, что игра уже началась. И его ввели в неё задолго до того, как спросили согласие.

— Добро пожаловать, Дани — сказала она.

Голос её звучал спокойно, но за этим спокойствием скрывалось напряжение, которое невозможно было объяснить словами.

— Я рада, что вы прибыли первыми. Остальные родственники приедут позже.

— Спасибо, Виктория. Я рад быть здесь.

— Здесь вы не просто гость, — ответила она, слегка улыбнувшись. — Этот замок всегда был тайной для его гостей. Иногда мне кажется, что он знает о нас больше, чем мы сами. На секунду между ними возникла тишина. Не неловкая. Опасная.

— И часть этих секретов смогут быть открыты только тому, кто готов их увидеть, — добавила она.

Дани почувствовал, как внутри снова всплывают слова из письма.

«Не принимай официальную версию.»

Виктория мягко кивнула слуге, и тот указал путь к его апартаментам.

— Позвольте мне проводить вас. — Сказал Огюст.

Они шли по длинным коридорам замка. Стены украша-

ли старинные гобелены, портреты предков и потемневшие от времени панели из дуба. Каждый портрет словно следил за ними взглядом. Каждый поворот коридора скрывал новую тень. Лёгкий запах свечного воска смешивался с ароматом старого дерева и влажного камня.

Шаги Виктории почти не звучали на мраморном полу. И именно тогда Дани впервые отчётливо почувствовал, что интерес этой женщины выходит далеко за пределы простой вежливости или родственных отношений.

А где-то глубоко внутри замка, невидимое пока для него, уже начинало медленно приходить в движение нечто, что может быть, изменит судьбу всех собравшихся здесь людей.

Глава 2. День 1. Описание замка Делон.

Замок Делон стоял на скалистом утёсе, вглядываясь в море уже более пяти столетий. Его силуэт напоминал живую хронику времени, где каждая эпоха оставляла свой след в камне, а каждое поколение хозяев вписывало в его историю новую главу. Построенный в XV веке, он изначально был суровой крепостью — с толстыми стенами, узкими бойницами и мощными башнями, способными выдерживать натиск врагов, штормов и самого времени. Даже теперь в его облике сохранялось нечто от старого воина, пережившего множество битв и сохранившего достоинство, силу и память о прошлом.

Но с каждым столетием замок менялся. Каждые сто лет хозяева что-то достраивали, расширяли, совершенствовали. Одни возводили новые башни, другие украшали стены изящными гобеленами, витражами и картинами, привезенными из разных уголков Европы. Внутри появлялись новые залы, галереи, лестницы и переходы, но костяк здания, его сердце, оставался неизменным. Камни XV века всё ещё хранили дыхание первых мастеров, и в старых коридорах всегда витала тень былых веков. Иногда слуги говорили, что по

ночам дом словно оживает: поскрипывают балки, тихо вздыхают стены, а ветер в башнях напоминает далекие человеческие голоса. Никто не мог объяснить эти звуки, но каждый, кто долго жил в замке, начинал воспринимать их как часть его характера.

Последняя большая реконструкция произошла в 1953 году. Тогда отец нынешнего графа превратил замок в место, где древняя строгость удивительным образом сочеталась с современной роскошью. Он усилил башни, обновил интерьеры, восстановил старые галереи и расширил жилые помещения. Однако главным его достижением стало то, о чём знали лишь единицы. Именно тогда он полностью перестроил потайную комнату, о которой прежде ходили лишь смутные легенды.

Говорили, что старик был одержим этой идеей. Он мечтал превратить её в настоящее святилище семьи, место, где будут храниться не только ценности рода, но и сама память поколений. Он закодировал вход настолько тщательно, что случайный человек не смог бы даже приблизиться к разгадке. По всему замку появились особые знаки и символы, которые на первый взгляд выглядели обычной частью архитектуры. Трещины в камне, странные узоры на витражах, латинские изречения на гербах, угол наклона некоторых плит пола, расположение старинных статуй в саду, рисунки на потолках старых залов — всё это было частью сложной системы.

Каждый знак являлся фрагментом единого кода. Лишь тот, кто умел соединять прошлое и настоящее, миф и реальность, историю и человеческую природу, мог научиться читать этот язык замка. Отец графа создал целую карту подсказок, замаскированную под историю семьи. Слуги рассказывали, что он мог часами бродить по залам в полном одиночестве, касаться ладонью стен и подолгу смотреть на старые портреты, словно разговаривая с давно умершими предками. Одни считали его одержимым, другие — гением. Но сам он лишь улыбался своей загадочной улыбкой и неизменно повторял:

— Замок — это не просто стены. Это книга, и только тот, кто умеет читать её страницы, найдёт то, что ищет.

С тех пор замок Делон стал не только домом и символом власти рода, но и загадкой, в которую был вплетен разум целой династии. Никто, кроме графа, не знал всех ее ключей. Но теперь его не стало, и тайна вновь закрылась от мира, словно тяжёлая дверь, захлопнувшаяся перед самым носом любопытных. Впервые за многие годы в замке появились люди, готовые попытаться разгадать её. И сам дом, казалось, наблюдал за ними из глубины своих коридоров, терпеливо ожидая, кто окажется достоин его секретов.

— Ваши апартаменты прямо за этой дверью, — сказала Виктория, слегка прикоснувшись к массивной бронзовой ручке. Свет старинных бра отражался в полированном металле мягкими золотистыми отблесками. — Ужин будет че-

рез час в главном зале. Я надеюсь, вы присоединитесь. Произнеся эти слова, она едва заметно коснулась плеча Дани. Прикосновение длилось лишь мгновение, но почему-то заставило его почувствовать лёгкое внутреннее волнение. Сам жест был совершенно естественным, однако в нём присутствовало что-то большее, чем обычная вежливость.

Дани кивнул, ощущая странное сочетание лёгкости и напряжения. Он не мог понять, почему простая фраза о совместном ужине вызывает в нём едва заметную дрожь предчувствия. Возможно, причиной был сам замок, где каждое действие казалось значимым, а каждое слово — скрытым намеком. Возможно, дело было в Виктории. Или в письме дяди, которое всё ещё лежало во внутреннем кармане его пиджака и словно продолжало жить собственной жизнью.

— Спасибо, Виктория. Я присоединюсь через час.

Она улыбнулась едва заметно, одними глазами. В её взгляде одновременно присутствовали понимание, усталость и какая-то тайна, которую невозможно было объяснить словами.

— Хорошо. А пока вы можете отдохнуть.

Она слегка повернулась и направилась обратно по коридору. Её шаги почти не были слышны на старом паркете, и через несколько секунд она исчезла за поворотом галереи, словно растворилась в самом замке.

Апартаменты, в которых расположился Дани находились в восточном крыле. Едва переступив порог, он ощутил, как прошлое буквально оживает вокруг.

Здесь почти ничего не изменилось с тех времён, когда он приезжал сюда с родителями в детстве и учился в местной школе. Те же тяжёлые дубовые шкафы с резными дверцами, то же массивное зеркало в позолоченной раме, всё тот же старинный камин с чугунной решеткой, в котором по вечерам потрескивали дрова.

На стенах висели знакомые акварели с морскими видами Лазурного берега и портрет его прабабушки в старом кружевном платье. Её взгляд, как и прежде, следовал за каждым входящим в комнату. В углу стоял высокий торшер с абажуром из бледного шелка, немного потускневший от времени, но по-прежнему излучавший мягкий золотистый свет, словно хранил внутри частицу ушедших лет.

Широкая кровать с резным изголовьем и тяжёлым покрывалом глубокого бордового цвета оставалась точно такой же, какой он ее помнил. Даже запах комнаты был прежним. Легкий аромат воска, старой древесины, книг и едва уловимый оттенок лаванды неожиданно перенесли его на много лет назад.

Дани подошёл к окну, отдернул тяжелые гардины и выглянул наружу. Перед ним открылся вид на сад, где он когда-то бегал ребенком, гоняясь за голубями вместе с отцом. Старые кипарисы стали выше, дорожки аккуратнее, но ощущение осталось прежним. Всё вокруг казалось застывшим во времени, словно кто-то бережно сохранил не только мебель и стены, но и сами воспоминания.

Он коснулся рукой спинки кресла, в котором его мать долгими вечерами сидела с книгой. И вдруг ощутил не просто память, а нечто гораздо большее. Будто комната по-прежнему хранила тепло ушедших голосов, дыхание прошлого и невидимые следы людей, которых он любил.

На мгновение ему показалось, что стоит закрыть глаза, и он услышит знакомый смех родителей, шелест переворачиваемых страниц или тяжёлые шаги дяди в коридоре. Но вокруг царила тишина. Странная, глубокая, почти живая. Замок словно прислушивался к нему.

Дани медленно опустился на край кровати. За окнами шумело море, а где-то далеко внизу ветер касался старых стен. Дом жил собственной жизнью, и впервые после приезда у него возникло отчетливое ощущение, что замок знает о происходящем гораздо больше, чем все его обитатели вместе взятые.

Он лёг на кровать и посмотрел в потолок. Мысли сами собой вернулись к последней встрече в Париже — к вечеру, когда за столом дорогого ресторана сидели трое: он, его дядя и Виктория. Тогда разговор казался обычным, даже приятным. Но теперь, после смерти графа, после письма и после возвращения в замок, память начинала подсказывать ему, что в тех словах, взглядах и паузах мог скрываться смысл, которого он тогда просто не заметил.

Воспоминание о последней встрече в Париже.

Париж сиял в огнях. Недавний дождь смыл дневную пыль с мостовых и фасадов домов, сделав воздух прозрачным, почти хрустальным. Сквозь огромные окна ресторана город казался живой декорацией, наполненной светом, движением и той особой элегантностью, которую невозможно встретить больше нигде в мире. Дани сидел за столиком, покрытым идеально белой скатертью, в одном из самых знаменитых ресторанов Парижа, отмеченном тремя звездами Michelin. Атмосфера была почти театральной: мягкий свет хрустальных люстр отражался в бокалах, тихо звучала музыка, официанты двигались бесшумно и точно, а вокруг слышался приглушенный шелест французской речи, словно весь зал участвовал в каком-то изысканном представлении.

Напротив сидел его дядя. Справа от него расположилась Виктория. Тогда всё казалось совершенно обычным вечером. Теперь же, лёжа в своей комнате в замке Делон, Дани вдруг начал понимать, что память хранит гораздо больше деталей, чем кажется на первый взгляд.

К их столику грациозно приблизился сомелье, держа в руках бутылку редкого французского мерло. Он склонился к дяде, показывая этикетку. Тот внимательно посмотрел на неё и слегка кивнул. Сомелье с безупречным изяществом от-

крыл бутылку и дал вину несколько мгновений подышать.

— Прошу, мсье.

Дядя взял бокал, медленно покрутил его в пальцах, наблюдая за игрой света в густом рубиновом напитке, вдохнул аромат и сделал небольшой глоток. На его лице появилась довольная улыбка.

— Великолепно, — произнес он. — Именно так должен начинаться хороший вечер.

Сомелье наполнил остальные бокалы. Вино заиграло глубокими рубиновыми оттенками в свете свечей. Первым подали фуа-гра с инжирным соусом и свежим тёплым хлебом. Дядя попробовал небольшой кусочек, закрыл глаза и на несколько секунд замолчал.

— Это не еда, — наконец произнёс он. — Это откровение. Нежность печени, сладость инжира, аромат вина... Французы умеют создавать рай на тарелке.

Виктория тихо улыбнулась.

— Даже хлеб здесь имеет вкус искусства.

— Потому что французы убеждены, что искусство должно присутствовать во всём, — ответил дядя. — Даже в том, что человек ест каждый день.

Следом появилось основное блюдо — филе миньон, приготовленное до совершенства. Тонкая золотистая корочка скрывала нежное мясо с мягким розовым центром. Дядя сделал вдох, словно дегустировал редкий парфюм, попробовал кусочек и театрально откинулся на спинку кресла.

— Ради этого стоит жить.

Он поднял бокал.

— Даже смерть должна немного подождать.

Тогда эти слова вызвали лишь улыбку. Теперь же, вспоминая тот вечер, Дани почувствовал неприятный холодок. Это был первый раз, когда дядя заговорил о смерти.

После основного блюда официанты принесли большое сырное ассорти. Камамбер, рокфор, конте и редкий шевр с травами были разложены как произведение искусства. Дядя тут же взял инициативу в свои руки.

— Нет-нет, так нельзя, — заявил он. — Каждый сыр требует своего вина и своего настроения.

Он говорил об этом с такой серьезностью, что казалось он шутит.

— Вот этот рокфор нужно пробовать только после вина. А конте наоборот. Иначе вы просто не поймете замысел создателя. Виктория рассмеялась.

— Не знала, что сыры имеют философию.

— Всё имеет философию, — ответил дядя. — Особенно хорошая еда.

И именно в этот момент произошло то, что позже они вспоминали ещё много раз. В почти священной тишине ресторана раздался весьма выразительный звук. Дядя слегка расслабился и позволил себе громкое и неожиданное проявление человеческой природы. Виктория едва не поперхнулась вином. Её глаза расширились. На лице Дани появилась

обречённая улыбка. Но дядя даже не моргнул.

— Простите, — сказал он совершенно серьезно. — Это не я.

Он сделал небольшую паузу.

— Это аплодисменты моего желудка шеф-повару.

Несколько секунд за столом стояла тишина. Потом Виктория рассмеялась первой. Следом не выдержал Дани. Даже сам дядя наконец улыбнулся. Именно после этого атмосфера за столом стала по-настоящему семейной. Прошло еще несколько минут. Дядя задумчиво смотрел на бокал вина. Затем поднял его и неожиданно стал серьёзным. Слишком серьёзным для человека, который только что шутил.

— А теперь, мой племянник, я задам тебе загадку.

Он посмотрел в бокал так, словно в глубине вина скрывались ответы на вопросы, которые человечество задает себе тысячи лет.

— Кто я? Я был полководцем, которого боялись больше смерти. Я перешёл реку, и с того дня моя судьба была решена. Месяц носит мое имя, но меня предали в день, который сам стал символом измены. Я стоял во главе величайшей республики, и всё же меня свергли, потому что я стал слишком великим. Дани задумался на мгновение.

Виктория с интересом наблюдала за ним.

— Юлий Цезарь, — наконец ответил Дани.

Дядя удовлетворенно кивнул.

— Верно.

Он сделал небольшой глоток вина. Но улыбка постепенно исчезла с его лица.

— Однако любая загадка — это не только ответ. Это путь к пониманию.

Он посмотрел прямо на Дани.

— Цезаря убили не враги.

Несколько секунд он молчал.

— Его убили друзья.

Странным образом эти слова прозвучали тяжелее, чем должны были. Дани почувствовал это даже тогда.

А теперь, после смерти дяди, они и вовсе приобрели совершенно иной смысл.

— Подумай об этом, — тихо сказал граф.

В тот вечер разговор вскоре сменился другими темами. Они обсуждали искусство, путешествия, музыку и старые семейные истории. Но именно эта фраза почему-то осталась в памяти Дани особенно ярко.

«Цезаря убили друзья». Теперь она звучала почти как предупреждение. Воспоминание постепенно растворялось. Шум ресторана исчезал. Голоса становились всё тише. Вино, усталость дороги и уютная атмосфера вечера сделали своё дело. И Дани заснул. Во сне он увидел огромный пустой зал.

Высокие своды терялись в темноте. В центре стоял его дядя. Перед ним лежали гладкие камни. Один за другим он аккуратно раскладывал их на полу, образуя идеальный треугольник. Каждое движение было точным и выверенным. За-

тем он доставал небольшую линейку и измерял расстояния между камнями, словно составлял какой-то сложный математический код. Дани наблюдал молча, не понимая что это сон. Наконец дядя поднял голову.

— Смотри внимательно, Дани.

Его голос эхом разнесся под сводами зала.

— Ответ всегда находится перед глазами. Люди просто не умеют смотреть.

Он поднял последний камень. И в этот момент в дверь постучали. Стук прозвучал неожиданно громко. Картина сна начала распадаться.

— Господин Делон, ужин подан, — раздался за дверью голос Огюста.

Дани вздрогнул. Сон исчез. Он открыл глаза и увидел знакомый потолок своей комнаты в замке Делон. За окнами шумело море. В коридоре звучали далекие шаги слуг. А где-то глубоко внутри него уже начинало крепнуть ощущение, что и загадка Цезаря, и письмо дяди, и странный сон о треугольнике являются частями одной истории, которую ему только предстояло понять.

Описание Графа.

Иногда Дани казалось, что его дядя прожил не одну жизнь, а несколько, и все они каким-то необъяснимым образом существовали одновременно в одном человеке. За долгие годы он так и не смог понять, какой из этих людей был настоящим, потому что каждый раз перед ним появлялся новый граф Делон, не похожий на того, которого он видел накануне.

В одни дни граф напоминал древнего философа, случайно оказавшегося в современном мире. Он вставал ещё до рассвета, плавал в холодной воде даже зимой, подолгу сидел на террасе, наблюдая за горизонтом, и смотрел на восходящее солнце с таким вниманием, словно пытался прочитать в нём послание, оставленное для него самим временем. В эти часы он говорил мало, но каждое слово казалось тщательно взвешенным, будто прежде чем произнести его, он успевал прожить внутри себя целую цепочку размышлений. Даже обычный разговор о погоде или о винах мог неожиданно превратиться в рассуждение о судьбе человека, о природе памяти или о том, почему одни люди проходят через жизнь, ничего после себя не оставляя, а другие продолжают жить в памяти поколений спустя столетия после смерти. И слава их приумножается.

Но существовал и другой граф. Этот человек появлялся

внезапно, словно выходил из-за невидимой кулисы. Он смеялся, рассказывал истории, спорил о книгах, музыке, живописи и кухне с такой страстью, будто речь шла о базовых принципах мироздания. Он мог часами обсуждать достоинства старого бордо, восхищаться удачно подобранным сыром или спорить о том, какая из картин Моне лучше передает ощущение света. В такие моменты в нём было что-то почти мальчишеское. Казалось, возраст не имел над ним власти, а способность удивляться миру осталась такой же живой, как в юности. Рядом с ним люди чувствовали себя интереснее, умнее и значительнее, чем были на самом деле. Граф обладал редким даром — убеждать собеседника поверить, что именно его мысли сейчас важнее всего на свете.

Но иногда, в нем, появлялся третий человек. Именно он запомнился Дани сильнее остальных. Обычно это происходило поздно вечером, когда замок затихал, последние шаги растворялись в коридорах, а за окнами слышался только шум моря. Тогда лицо графа словно менялось. Взгляд становился далёким и неподвижным, будто он видел не комнату перед собой, а нечто скрытое за её пределами. Он мог неожиданно замолчать посреди разговора, подойти к окну и долго смотреть в темноту, словно ожидал появления кого-то невидимого другим людям. В эти минуты создавалось странное ощущение, что часть его души находится не здесь, а в каком-то другом месте, где время течет по иным законам.

Дани часто замечал, что именно после таких вечеров в

замке происходили самые загадочные вещи. На следующий день граф мог внезапно изменить давно принятое решение, начать новый проект, приобрести редкую картину, отправиться в путешествие или неделями заниматься чем-то, о чём никому ничего не рассказывал. Казалось, этот молчаливый человек, живущий где-то глубоко внутри него, обладал властью над двумя другими, внутренними жизнями и время от времени незаметно направлял по новому пути.

С годами Дани пришёл к мысли, что большинство людей проживают жизнь с одной душой, некоторые — с двумя, но в графе словно уживались сразу три самостоятельных существа. Первое любило порядок, дисциплину и ясность. Второе любило красоту, радость, искусство и саму жизнь. Третье же искало тайну. Именно оно заставляло его собирать древние рукописи, часами изучать историю Рима, искать скрытые закономерности в событиях и видеть символы там, где остальные видели лишь случайности.

Теперь, вспоминая дядю после его смерти, Дани всё чаще думал о том, что именно эта третья душа создала весь нынешний лабиринт загадок. Не философ. Не жизнелюб. А тот молчаливый искатель, который всю жизнь пытался заглянуть по ту сторону очевидного. Возможно, именно он построил систему знаков, спрятал подсказки в стенах замка и превратил наследство в испытание. Иногда Дани даже ловил себя на странной мысли: а действительно ли граф ушел окончательно? Или какая-то часть его разума до сих пор живет здесь,

среди старых камней, в шорохе гобеленов, в скрипе половиц, в отражениях окон и в шуме моря за стенами замка Делон, наблюдая за каждым их шагом и ожидая, кто первым сумеет понять все его тайны.

Ужин с Викторией. День 1.

Главный зал замка сиял мягким светом свечей и хрустальных люстр. Теплые отблески скользили по старинным портретам, позолоченным рамам и полированному дереву, заставляя огромный зал казаться одновременно торжественным и удивительно уютным. Для ужина накрыли небольшой стол, рассчитанный лишь на двоих. После величественных пространств замка такая обстановка выглядела почти домашней и невольно располагала к откровенности.

Виктория позаботилась обо всём лично. Когда Дани вошел, он сразу заметил, что блюда на столе удивительно напоминают их последнюю встречу в Париже. Словно кто-то намеренно решил воскресить в памяти тот вечер и вернуть его хотя бы на несколько часов.

Сначала подали фуа-гра. Но теперь не с инжирным соусом, как тогда, а с особым соусом из лесных ягод, красного вина и тонко подобранных специй. Этот рецепт когда-то придумал сам граф. По словам Огюста, он несколько лет доводил его до совершенства и разрешал подавать лишь по особым случаям. Вкус получился ярким, глубоким и неожиданно смелым. Сладость ягод мягко переходила в пряную остроту, а затем раскрывалась долгим винным послевкусием. Дани невольно подумал, что этот соус очень напоминает самого графа — внешне благородный и спокойный, но скрывающий

внутри куда больше, чем показывал окружающим.

Следом появилось филе миньон. Нежное мясо сопровождал густой соус с зеленым перцем и базиликом, придающий блюду насыщенный аромат и пикантную глубину. Рядом лежали свежие овощи и хрустящий картофель гратен, приготовленный именно так, как любил покойный хозяин замка. Вино оказалось тем самым мерло, которое они пили в Париже. Огюст провёл знакомую церемонию с почти театральной точностью. Он показал бутылку Виктории, аккуратно открыл ее и налил немного вина для пробы. Виктория подняла бокал. На мгновение её взгляд задержался на тёмно-рубиновом напитке. Она сделала небольшой глоток, словно проверяя не только вкус, но и какое-то воспоминание. Затем кивнула.

— Да. Именно оно.

После этих слов она посмотрела на Дани. Совсем недолго. Но почему-то ему показалось, что этот взгляд говорил намного больше, чем произнесенная фраза. «Я помню тот вечер. Помню каждую деталь».

Некоторое время они ужинали молча. За окнами шумело море. Ветер касался старых стен замка. Свечи слегка колебались, будто реагируя на невидимое движение воздуха. Наконец Виктория первой нарушила молчание.

— Ты ведь проводил здесь лето, не так ли? Расскажи мне, каким был этот замок тогда.

Дани задумался, отломил кусочек свежего хлеба и неволь-

но улыбнулся.

— Совсем другим. Хотя, если честно, наверное, не замок изменился, а я сам. Мы с отцом часто играли в саду. Я бегал за голубями, пытался их поймать, а мама наблюдала за нами из окна. Иногда звала домой. По вечерам мы сидели у камина. Отец читал книги, а мама вышивала. Мне казалось, что так будет всегда. Он сделал паузу.

— Когда дядя много времени проводил в Америке, был период, когда мы жили здесь почти три года. Я учился в местной школе. У меня осталось много друзей в Монако. Иногда мне кажется, что именно здесь прошло самое счастливое время моей жизни. Виктория слушала внимательно. Очень внимательно. Будто её интересовали не только слова, но и всё, что скрывалось между ними.

— А какие книги читал тебе отец?

— В основном историю. Особенно Древний Рим и Грецию. Он говорил, что прошлое хранит ключи к будущему. Они с дядей могли часами обсуждать Римскую республику, императоров, войны, заговоры. Особенно если рядом стояла бутылка хорошего мерло или шираза. Виктория улыбнулась.

— Похоже, это семейная черта.

— Возможно.

— А тебе самому нравились эти разговоры?

— Тогда не всегда. Иногда мне казалось, что взрослые обсуждают одно и то же по кругу. Но теперь я многое понимаю иначе. Виктория слегка наклонилась вперёд.

— Например?

Дани на секунду задумался.

— Теперь я понимаю, что дядя редко говорил о прошлом просто так. Практически в каждой истории он оставлял какой-нибудь намёк или загадку. При этих словах Виктория незаметно напряглась. Совсем немного. Настолько, что другой человек мог бы этого не заметить. Но внутри неё мгновенно всплыли последние разговоры с графом. Его намёки. Его загадочные улыбки. Его уверенность в том, что однажды всё станет понятно. А вдруг он действительно готовил кого-то заранее? А вдруг уже тогда выбрал человека, который должен найти тайную комнату? Эта мысль не нравилась ей всё больше. Она осторожно взяла бокал и внутри себя произнесла. Он умён. Слишком умён. Гораздо умнее большинства родственников. Если граф действительно оставил кому-то ключ к разгадке, то вполне мог оставить его именно Дани. Она быстро улыбнулась, скрывая собственные мысли.

— Мне нравится слушать тебя, — тихо сказала она. — Когда ты рассказываешь о детстве, кажется, будто эти стены действительно всё помнят.

— Иногда мне кажется, что так и есть.

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но сегодня, когда я вошёл в свою комнату, у меня возникло ощущение, будто прошлое никуда не исчезло. Словно оно просто ждало моего возвращения. На мгновение между ними повисла тишина. Странная. Не неловкая. А

наполненная чем-то невысказанным. Виктория продолжала задавать вопросы. Она расспрашивала о запахах старых коридоров, о прогулках по саду после дождя, о школьных друзьях, о любимых местах в замке. Постепенно разговор увлек Дани настолько, что он почти забыл о смерти дяди, о письме и обо всех тревогах последних дней. Но сама Виктория ни на секунду не забывала о главном. За её улыбкой скрывался напряженный расчёт. Она прекрасно понимала, что красота, обаяние и даже искренний интерес способны помочь завоевать доверие мужчины. Но они не откроют дверь в тайную комнату. Там потребуется ум. Наблюдательность. Способность видеть связи там, где остальные видят случайности. И именно поэтому Дани одновременно привлекал её и настораживал. «Если он найдёт тайну первым...»Мысль осталась незавершенной. Она не хотела додумывать её до конца. И всё же где-то глубоко внутри уже возникал другой вопрос: «А что если мне нужно не соперничать с ним, а стать его союзником?»

В этот момент рядом бесшумно появился Огюст. Как всегда вовремя. Как всегда незаметно.

— Желаете что-нибудь ещё? — спросил он.

Виктория перевела взгляд на окна. За стеклом темнел сад. Старые кипарисы покачивались под ветром. В лунном свете виднелась белая беседка. Она посмотрела на Дани.

— Не пойти ли нам в сад?

— С удовольствием.

На её лице появилась лёгкая улыбка.

— Тогда десерт подайте в беседку, Огюст. Спасибо.

Она поднялась из-за стола. Дани тоже встал. И пока они направлялись к выходу из зала, ни один из них еще не знал, что именно прогулка по ночному саду станет началом разговора, который впервые приблизит их не только друг к другу, но и к тайне, скрытой в самом сердце замка Делон.

Огюст. День 1.

Огюст был высоким худощавым мужчиной лет семидесяти, с чуть сутулой спиной и внимательным взглядом человека, который прожил долгую жизнь среди чужих судеб и научился замечать то, чего не видят другие. Его волосы полностью поседели, а лицо прорезали глубокие морщины, но в осанке по-прежнему ощущались достоинство и дисциплина прежних лет. Когда-то он служил ещё отцу покойного графа и потому знал каждую комнату, каждую лестницу и почти каждый тайный ход замка Делон. Некоторые слуги шутили, что Огюст знает замок лучше, чем сам замок знает себя.

В нём было что-то узкое и сдержанное, словно он сам напоминал длинный коридор между двумя закрытыми дверями. Острые плечи, прямой подбородок, слегка выступающие скулы создавали впечатление человека, собранного из аккуратно выверенных линий. Он двигался почти бесшумно, будто заранее извинялся за своё присутствие. Шаг — осторожный. Поворот головы — точный. Жест — выверенный. Его руки чаще всего были сложены за спиной, словно он опасался, что случайное движение способно выдать мысли, которые должны оставаться скрытыми.

Лицо Огюста казалось спокойным, но это было спокойствие неподвижной воды. Если всмотреться глубже, можно было заметить легкие отражения тревоги, ожидания и

той особой настороженности, которая появляется у людей, слишком долго хранящих чужие секреты. Его глаза были светлыми, почти бесцветными, как старые письма, пролежавшие десятилетия в закрытом ящике письменного стола. Они редко задерживались на людях. Гораздо чаще — на предметах: дверных ручках, краях столов, старинных часах, углах комнат. Казалось, он смотрит не на вещи, а между ними, словно надеется однажды увидеть то, что остальные упорно не замечают.

Голос его был тихим и ровным, с едва заметным акцентом старой французской школы. В этом голосе чувствовалась привычка выбирать слова осторожно и никогда не говорить больше необходимого. Однако иногда, в редкие минуты внутреннего напряжения, в нём появлялся металлический оттенок, словно за мягким бархатом внезапно проступала сталь.

Огюст любил порядок не как добродетель, а как убежище. Каждая аккуратно поставленная вещь была для него маленькой победой над хаосом. Каждый ключ — обещанием. Каждая закрытая дверь — временным спасением. Он принадлежал к тем людям, которые слишком долго стоят в тени и постепенно начинают путать её со своей собственной сущностью.

Иногда, оставаясь один, он позволял себе едва заметную улыбку — мечтательную, почти детскую. В такие моменты словно появлялся другой Огюст. Не слуга, а хозяин соб-

ственной судьбы. Человек, сидящий во главе большого стола, принимающий решения и не спрашивающий ни у кого разрешения. Но стоило послышаться шагам в коридоре, и эта короткая иллюзия исчезала. Лицо вновь становилось спокойным, служебным и почти прозрачным.

Для Дани Огюст был частью детства. Когда-то он приносил ему горячее молоко перед сном, рассказывал истории о рыцарях, древних замках и далёких крестовых походах. Именно от него мальчик впервые услышал легенды о спрятанных сокровищах, тайных комнатах и людях, которые оставляли загадки потомкам. Тогда всё это казалось красивыми сказками. Теперь же многие из тех сказок начинали приобретать совершенно иной смысл.

Сам Огюст испытывал к Дани особую привязанность. Не родственную, а скорее тихую, почти отцовскую. Он видел, как мальчик рос, взрослел и менялся. Видел его радости и утраты. И именно поэтому возвращение Дани в замок вызвало у него больше чувств, чем он был готов показать. Однако за внешним спокойствием скрывалось и другое.

Огюст прекрасно понимал, что смерть графа, завещание и поиски тайной комнаты способны всколыхнуть опасные тайны прошлого. Слишком многое в этом доме было построено на молчании. Слишком много событий оказалось похоронено под слоем времени. Иногда он говорил намеками. Иногда неожиданно замолкал на полуслове, словно подходил слишком близко к границе, за которой начинались вещи, о кото-

рых лучше не говорить. Некоторые считали его просто старым слугой. Это было удобно. Сам Огюст никогда не спешил разубеждать людей в этом. Он никогда не был женат. У него не было детей. Всю свою жизнь он прожил в замке Делон, служа трем поколениям семьи. Год за годом он наблюдал, как меняются хозяева, рождаются дети, заключаются браки, вспыхивают ссоры и умирают старые надежды. Он видел гораздо больше, чем говорили окружающие, и слышал гораздо больше, чем следовало слышать слуге. Иногда ему казалось, что замок стал частью его самого. Или, возможно, наоборот — он сам давно стал частью замка. Как старинные часы в библиотеке. Как потемневший портрет в галерее. Как древний ключ, о назначении которого давно забыли. Поэтому, когда после смерти графа в дом начали съезжаться родственники, Огюст наблюдал за ними с особым вниманием. Он видел жадность в одних глазах, любопытство в других, страх в третьих. Но когда он смотрел на Дани ему всё чаще вспоминались слова покойного графа, сказанные незадолго до смерти. Именно тогда в его взгляде появлялось то самое странное выражение, которое трудно было понять. Словно он знал что-то важное. И одновременно надеялся, что ошибается.

Потому что если граф действительно оставил ключ к своей последней загадке, то очень скоро тишина старого замка будет нарушена, а некоторые двери, закрытые много десятилетий назад, снова откроются.

Продолжение ужина в беседке. День первый.

Они вышли из зала в сад. Каменные ступени уходили вниз по склону утёса, и с каждым шагом перед ними всё шире раскрывалось море. Внизу, почти на самом краю скалы, стояла старая беседка, словно её поставили здесь ещё далёкие предки рода Делон, чтобы смотреть на горизонт, размышлять о времени и помнить о том, что человеческая жизнь всегда короче моря. Беседка была сложена из белого камня, потемневшего от ветров, штормов и морской соли. Тонкие колонны, густо оплетенные плющом, поддерживали легкую крышу, а белые занавеси медленно колыхались под дыханием вечернего ветра, создавая ощущение, будто само пространство вокруг живёт собственной жизнью. Внутри стояли резные скамьи, отполированные временем и руками нескольких поколений семьи. В воздухе смешивались запах старого дерева, нагретого за день камня и свежего морского ветра.

Из беседки открывался вид, способный заставить замолчать даже самого разговорчивого человека. Далеко внизу волны с глухим грохотом разбивались о скалы, горизонт переливался золотом уходящего солнца, а вдалеке уже начинали мерцать огни яхт, пришвартованных в порту Монте-Карло. Они покачивались на тёмной воде, словно драгоценные камни, рассыпанные по поверхности моря невидимой рукой.

Виктория остановилась у входа и некоторое время смотрела вдаль, после чего тихо произнесла:

— Именно здесь я всегда чувствую, что нахожусь не просто в саду замка. Здесь словно проходит граница между мирами. Иногда мне кажется, что отсюда можно заглянуть одновременно и в прошлое, и в будущее.

Дани вошёл внутрь и сел на резную скамью. Некоторое время он молчал, всматриваясь в линию горизонта, где море сливалось с небом.

— Здесь есть ощущение покоя, — наконец сказал он. — Но вместе с тем есть и что-то другое. Будто море задаёт вопрос и ждёт ответа. Словно спрашивает: что ты сделаешь дальше?

Виктория улыбнулась уголками губ.

— Возможно, именно поэтому граф так любил это место. Однажды он сказал мне очень странную фразу: «Тот, кто найдёт в беседке ответ на загадку моря, найдёт и ключ к замку».

Дани поднял на неё взгляд.

— Ты намекаешь на завещание?

Виктория не ответила сразу. Она смотрела на горизонт, где последние лучи солнца медленно растворялись в наступающих сумерках.

— Я намекаю на то, что в этом доме ни одна деталь не бывает случайной. Даже эта беседка. Ветер слегка коснулся занавесей. Где-то внизу ударила о скалы очередная волна. Сад

постепенно погружался в сумерки, а яхты начинали светиться всё ярче, превращаясь в сверкающее ожерелье на груди Монте-Карло.

— Ты говорила о словах графа, — напомнил Дани. — Что значит «ключ к замку»?

Теперь Виктория посмотрела прямо ему в глаза.

— Завтра нотариус оглашает завещание. И тогда все узнают одну очень странную вещь. Граф оставил не только распоряжения относительно имущества. Он оставил испытание.

— Испытание?

— Да. Всё наследство получит тот, кто сумеет найти тайную комнату замка.

На несколько секунд воцарилась тишина. Даже шум моря словно отступил на второй план.

— Тайную комнату?

— Именно.

— И где она находится?

На лице Виктории появилась лёгкая улыбка.

— Если бы кто-то это знал, завещание потеряло бы смысл.

Дани почувствовал, как внутри неожиданно просыпается интерес. Нет, не просто интерес — азарт. Тот самый, который он испытывал всякий раз, когда сталкивался со сложной задачей или загадкой.

— Значит, существует какая-то подсказка?

— Подсказок много.

— А ключ?

— Чтобы открыть комнату, необходимо разгадать код.

Теперь сердце Дани забилось быстрее. Перед глазами неожиданно всплыли слова дяди из Парижа. Цезарь. Река. Предательство. Друзья. Словно отдельные фрагменты постепенно начинали складываться в единую картину.

— Код?

— Да. Граф был одержим древней историей, особенно Римом. Он постоянно повторял, что прошлое оставляет ключи к будущему. Думаю, именно это он и сделал. Оставил загадку, спрятанную в истории, символах и воспоминаниях.

Дани задумался. Теперь многие вещи начинали выглядеть иначе. Странная загадка в ресторане. Письмо. Сон о треугольнике из камней. Даже само возвращение в замок. Слишком много совпадений. А может быть, это были вовсе не совпадения.

— Значит, чтобы стать наследником, нужно разгадать его последнюю тайну.

— Именно, — серьёзно сказала Виктория. — Но не думай, что это просто игра. Граф был слишком умен для простых игр. Иногда мне кажется, что этот код проверяет не знания.

— А что тогда?

Она вновь посмотрела на море.

— Человека.

Сумерки окончательно опустились на сад. Море превратилось в огромное черное зеркало, в котором отражались

первые звёзды. Где-то далеко двигались огни яхт, а вокруг беседки тихо шелестели листья старых кипарисов. Некоторое время они сидели молча. Каждый думал о своём. Виктория — о завещании и о том, что ждёт всех собравшихся в замке родственников. Дани — о загадке графа, которая неожиданно начала затрагивать его гораздо сильнее, чем он ожидал.

Однако была ещё одна мысль, которую никто из них не произносил вслух. Мысль о человеке, сидящем рядом. О том странном притяжении, которое возникло между ними с первых минут встречи. Виктория поднялась со скамьи и подошла ближе к открытому краю беседки. Ветер слегка коснулся её волос, платье мягко зашелестело, а свет первых звезд придал её лицу почти нереальную мягкость. Она обернулась, и их взгляды встретились. На этот раз никто не отвел глаз первым.

В этом молчании оказалось больше смысла, чем во всём их разговоре. Виктория медленно подошла ближе. Настолько близко, что Дани почувствовал лёгкий аромат её духов, тонкий и едва уловимый. Она коснулась его руки, и это прикосновение оказалось почти невесомым, но почему-то отозвалось внутри гораздо сильнее, чем должно было.

— Ты должен знать одну вещь, — тихо сказала она.

— Какую?

— В этом доме почти ничего не происходит случайно.

— Даже сейчас?

Она улыбнулась.
— Особенно сейчас.
На мгновение ей показалось, что море стихло.

Сцена в беседке и библиотеке.

Белые занавеси беседки медленно колыхались на вечернем ветру, словно само море дышало через них. Внизу мерцали огни яхт, рассыпанные по черному бархату воды подобно драгоценному ожерелью. Волны с глухим шумом разбивались о скалы далеко под утёсом, и этот ритм наполнял пространство особым ощущением покоя и вечности. Виктория стояла совсем рядом. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, словно продолжая разговор, который происходил уже не словами. Затем она слегка наклонилась и коснулась его губ лёгким поцелуем. Это был скорее намёк, чем признание, скорее обещание, чем поступок. В ее прикосновении осталось больше вопросов, чем ответов, и именно поэтому оно запомнилось Дани сильнее любого страстного порыва. Она отстранилась и улыбнулась. В этой улыбке было что-то тайное, почти недосказанное.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Я хочу показать тебе место, где граф любил размышлять о вечности.

Они поднялись по каменным ступеням обратно к замку. Сумерки уже окончательно опустились. Огни Монте-Карло мерцали вдали, а древние стены замка казались еще более величественными в свете факелов и старинных фонарей. Они шли по длинным коридорам, где люстры и свечи отбрасывали на стены вытянутые тени, превращая портреты пред-

ков в молчаливых наблюдателей. Каждый шаг отдавался лёгким эхом под высокими сводами, и временами Дани казалось, что сам замок прислушивается к их разговору.

Наконец Виктория остановилась перед массивной дубовой дверью. Тяжёлое дерево было покрыто старинной резьбой, изображавшей виноградные лозы, львов и латинские символы. Она взялась за бронзовую ручку и открыла дверь. Перед ними раскрылась библиотека.

Высокие стеллажи уходили в темноту под самым потолком, образуя настоящий лес из книг. Тысячи томов, собранных несколькими поколениями семьи, заполняли пространство от пола до сводов. Пламя огромного камина отражалось в лакированных корешках, заставляя золото и бордовые оттенки переливаться живым огнем. В воздухе стоял особый запах старой бумаги, древесины, воска и едва уловимый аромат лаванды, которую много лет назад начали использовать для защиты книг от насекомых. В центре зала находился огромный дубовый стол с латунными подсвечниками. Огонь свечей дрожал от малейшего движения воздуха, словно книги вокруг тоже жили собственной жизнью.

Они расположились в глубоких креслах возле камина. Огонь мягко освещал их лица, делая взгляды ярче, а тени вокруг — глубже. Некоторое время оба молчали, слушая потрескивание дров.

Виктория первой нарушила тишину.

— Граф часто говорил о вас, — произнесла она задумчи-

во. — Особенно в последние годы. Он рассказывал, что вы работаете над какой-то научной теорией. Но всякий раз ограничивался намёками и никогда не объяснял деталей. Что это за работа?

Дани некоторое время смотрел на огонь. Отражения пламени медленно скользили по его лицу.

— Я пытаюсь объяснить систему мироздания, — наконец ответил он. — Возможно, это звучит слишком громко, но именно этим я занимаюсь последние годы.

Виктория слушала внимательно.

— И к каким выводам вы пришли?

Дани слегка улыбнулся.

— Я считаю, что в начале всего был Сигнал. Не звук в привычном понимании и не физическая волна. Скорее первичный импульс. Бог выпустил этот Сигнал во Вселенную, и вместе с ним появились свет, время, пространство, магнитные силы и энергии, о которых человечество пока даже не подозревает. До этого существовал хаос. Но под воздействием Сигнала хаос начал упорядочиваться. Возник ритм. Появились законы. Всё — от галактик до атомов — стало частью единой системы. И только тогда стала возможна жизнь. В камине треснуло полено, и вверх взметнулись несколько искр. Виктория не отводила взгляда.

— Значит, жизнь — это отклик на этот Сигнал?

— Именно так. Вселенная продолжает звучать до сих пор. Просто большинство людей перестало её слышать.

Она наклонилась чуть ближе.

— А вы слышите?

Дани ненадолго задумался.

— Иногда. Очень редко. Но когда это происходит, возникает ощущение, будто на несколько секунд ты видишь мир таким, каким он был задуман изначально. И после этого жить по-старому уже невозможно. В библиотеке стало совсем тихо. За окнами шумело море. Пламя отражалось в глазах Виктории. Она смотрела на Дани так, словно перед ней открывалась дверь в совершенно неизвестный мир.

— Я хочу научиться слышать его, — произнесла она почти шёпотом. — Я хочу понять этот мир.

Дани посмотрел на неё внимательнее. Ему показалось, что сейчас она говорит совершенно искренне. Без игры. Без расчёта. Без той осторожности, которая обычно присутствовала в её словах. Каминные часы пробили очередной час. Их низкий звон медленно прокатился по библиотеке и растворился среди книжных стеллажей. Некоторое время они сидели молча. Каждый думал о своём.

Дани размышлял о том, как странно переплетаются в жизни наука, вера и судьба. Виктория же неожиданно поймала себя на мысли, что теория Сигнала напоминает ей сам замок. Возможно, граф тоже пытался оставить потомкам не просто загадку, а некий импульс, который однажды должен был привести нужного человека к истине. Именно в этот момент между тайной замка и тайной Вселенной возникла но-

вая, почти незаметная связь. Виктория почувствовала, что рядом с этим человеком может приблизиться к обеим тайнам одновременно.

Но ни она, ни Дани ещё не знали, что в стенах замка уже есть человек, который сделает всё возможное, чтобы тайная комната никогда не была найдена, а некоторые секреты семьи Делон навсегда остались погребёнными под тяжестью времени.

Глава 3. Встреча в Аэропорту Ниццы.

Аэропорт Ниццы встретил их привычной суетой, гулом голосов, отражениями солнечного света в стеклянных стенах и тонким запахом дорогих духов, смешанным с ароматом кофе и морского воздуха. Майкл прибыл первым. Он шёл уверенной походкой человека, привыкшего занимать лучшие места еще до того, как начинается игра. Его дорогой тёмно-синий костюм сидел безупречно, а взгляд внимательно скользил по окружающим, словно оценивая не людей, а возможности. Рядом шли его жена Элизабет и дети. Элизабет выглядела спокойной и элегантной, стараясь сохранять привычное достоинство, тогда как дети уже жили в собственном мире: Давид задумчиво переписывался в телефоне, почти не замечая происходящего вокруг, а Мари внимательно наблюдала за взрослыми, словно пыталась понять то, чего они сами еще не произнесли вслух.

Почти одновременно из другого терминала появилась Изабелла. Яркое платье цвета выдержанного бургундского вина привлекало внимание не меньше её улыбки. Рядом шагал Марко, а чуть позади — Лука и Джулия. Лука оглядывался вокруг с той самоуверенностью, которая часто появляет-

ся раньше жизненного опыта, а Джулия молча держалась за руку матери, предпочитая наблюдать, а не участвовать. Издалека Изабелла выглядела так, словно только что покинула красную дорожку какого-нибудь кинофестиваля. Но стоило присмотреться внимательнее, и становилось заметно другое: за её улыбкой скрывалась усталость человека, который слишком долго играл роли и иногда уже не был уверен, где заканчивается сцена и начинается настоящая жизнь.

Они заметили друг друга почти одновременно.

— Какая неожиданная встреча, — воскликнула Изабелла, слегка разводя руками. — Майкл, вы выглядите так, будто только что сошли с обложки журнала.

— А вы, Изабелла, словно направляетесь на премьеру собственного фильма, — ответил Майкл с лёгкой улыбкой. — Хотя, насколько я помню, жизнь для вас всегда была лучшей сценой.

— По крайней мере, моя публика обычно аплодирует, — не осталась в долгу Изабелла.

Марко и Элизабет обменялись вежливыми улыбками. За внешней доброжелательностью чувствовалась осторожность людей, которые давно знают друг друга и прекрасно понимают, что впереди их ждет не семейный отдых.

Через некоторое время все разместились в роскошном автобусе, который Виктория прислала за гостями. Панорамные окна открывали великолепный вид на Лазурный берег. Дорога извивалась между скалами и зелеными холмами, а море

справа переливалось десятками оттенков синего. Белоснежные яхты лениво покачивались на воде, словно не замечая человеческих драм, разворачивающихся на берегу. Разговор завязался довольно быстро, однако под словами чувствовалось скрытое напряжение.

— Как вам дорога? — спросила Элизабет, стараясь поддержать непринужденную атмосферу.

— Дорога никогда не бывает главным событием, — спокойно ответил Майкл. — Главное всегда ждёт в конце пути.

— Особенно когда речь идёт о старом замке, семейных легендах и завещании, — с улыбкой добавила Изабелла. — Тайны, деньги и воспоминания. Что может быть интереснее?

— Или опаснее, — негромко заметил Марко.

На несколько секунд в салоне стало тихо. Автобус поднялся на очередной поворот серпантина, и тогда впереди показался замок Делон. Высокие башни медленно выросли из-за скал, словно появляясь из другой эпохи. Каменные стены возвышались над морем так, будто столетиями наблюдали за приходом и уходом поколений. В этот момент разговоры стихли сами собой.

Каждый смотрел на замок. И каждому он говорил что-то своё. Кому-то — о богатстве или о прошлом. Кому-то — о власти или о тайнах. У ворот гостей уже ждали Огюст и Виктория.

Старый слуга выглядел так же безупречно, как и всегда. Он слегка поклонился, и его голос прозвучал спокойно и до-

стойно:

— Добро пожаловать в замок Делон. Мы рады вашему прибытию.

Рядом стояла Виктория в элегантном тёмном платье. Она улыбалась, но её взгляд внимательно скользнул по каждому из прибывших, словно она незаметно составляла о них собственное мнение.

— Как приятно снова видеть вас, Изабелла, — сказала она, легко коснувшись её руки. — Вы стали ещё прекраснее.

— Виктория, вы как всегда слишком любезны, — ответила Изабелла с лёгким наклоном головы.

— Майкл, — продолжила Виктория, — ваше присутствие придаёт этой встрече особую солидность.

— А ваше присутствие придаёт ей интригу, — ответил Майкл, не отводя взгляда.

На мгновение между ними возникла едва заметная пауза. Слишком короткая для остальных. Но достаточная, чтобы оба поняли: каждый внимательно наблюдает за другим.

Огюст повёл гостей в замок. По дороге говорили о красоте сада, о море, о мягком климате Монако и о том, как удивительно хорошо сохранился замок. Однако за вежливыми фразами чувствовалось другое. Каждый думал о причине своего приезда. Когда они подошли к длинному коридору, ведущему к жилому крылу, Майкл словно невзначай задал вопрос:

— Виктория, скажите честно, вы действительно ничего не

знаете о той самой комнате, о которой столько лет шепчутся слуги?

Шаги сразу стали тише. Даже дети подняли головы. Виктория замерла лишь на долю секунды. Её лицо осталось спокойным, но внимательный наблюдатель мог заметить короткую вспышку тревоги в глазах.

— Ах, Майкл, — мягко ответила она, — если бы я знала, разве стала бы приглашать вас всех сюда?

— Нас пригласил нотариус, — почти неслышно прошептала Изабелла Майклу на ухо. — Мы члены семьи со дня рождения. На её губах появилась лёгкая улыбка. Майкл ничего не ответил. Но уголок его рта едва заметно дрогнул. В коридоре повисла тишина. Каждый понял, что вопрос был задан не случайно. И ответ тоже. Слухи о тайной комнате существовали в замке столько же лет, сколько сам замок возвышался над морем. Слуги шептались о ней в тёмных коридорах после полуночи, родственники вспоминали о ней за праздничным столом, а дети передавали друг другу невероятные истории о спрятанных сокровищах и секретных проходах. Одни утверждали, что вход находится за стеной библиотеки. Другие были уверены, что тайна скрыта в подземельях, где старые камни еще помнят шаги рыцарей. Кто-то говорил, что попасть туда можно лишь в определённый день года, когда солнце и тени образуют особый знак. Но всякий раз, когда вопрос задавали самому графу Делон, он лишь улыбался своей загадочной улыбкой и отвечал:

— У каждой старой семьи должны быть собственные легенды. Именно эта улыбка заставляла людей верить ещё сильнее. Теперь графа не стало. А вместе с ним исчез единственный человек, который точно знал правду. И впервые за долгие годы старая легенда переставала быть просто легендой. Она превращалась в реальность. Именно поэтому каждый из приехавших, поднимаясь по лестницам замка Делон, уже думал не только о памяти покойного графа, но и о тайной комнате, которая очень скоро могла изменить судьбу всей семьи.

Ужин, завещание и право первого действия.

Вечером большой зал замка Делон преобразился. Под высокими сводами мягко сияли хрустальные люстры, отражаясь в старинных зеркалах и потемневших от времени гобеленах. Огни десятков свечей дрожали в серебряных подсвечниках, наполняя пространство золотистым светом и создавая ощущение, будто прошлое незримо присутствует за каждым креслом. В центре зала был накрыт длинный стол. Белоснежная скатерть, идеально отполированное серебро, тонкий хрусталь бокалов и фарфор с фамильным гербом Делон создавали атмосферу не просто ужина, а настоящей церемонии, в которой каждая деталь имела значение. За окнами шумело море, а внутри замка время словно замедлилось, позволяя гостям почувствовать себя частью истории, начавшейся задолго до их рождения.

Слуги работали безупречно. Огюст, несмотря на возраст, двигался с привычным достоинством человека, посвятившего этому дому всю свою жизнь. Его спокойный взгляд замечал каждую мелочь, а присутствие внушало уверенность, что порядок здесь существовал ещё до появления нынешних хозяев и переживет их всех. Рядом впервые появился молодой слуга Жан-Мишель — худощавый парень лет двадцати с ясными глазами и живым взглядом. Он старался повторять

движения старшего наставника с максимальной точностью, однако внимательный наблюдатель мог заметить легкое напряжение в его жестах. Для него сегодняшний вечер был не просто обслуживанием ужина. Впервые за одним столом собрались почти все наследники семьи Делон, и даже слуги понимали, что после оглашения завещания жизнь замка уже не останется прежней.

Огюст и Жан-Мишель ловко расставили блюда. На серебряных подносах появились свежие устрицы на колотом льду, фуа-гра с яблочным чатни и тёплая бриошь, источавшая тонкий аромат свежей выпечки. Рядом поставили два вина — белое Chablis Premier Cru и красное Bordeaux Grand Cru. Затем последовали морской окунь под соусом из шампанского, филе миньон с соусом из зеленого перца, сырное ассорти с камамбером, рокфором, комте и шевром с травами, а завершить вечер должна была ароматная тарт Татэн с ванильным мороженым. Всё выглядело безупречно, однако даже великолепие кухни не могло отвлечь присутствующих от истинной причины их приезда.

— Какое изысканное начало вечера, — заметила Элизабет, поднося бокал к губам.

Она произнесла это спокойно, но её взгляд на мгновение задержался на Виктории.

«Она старается произвести впечатление. Слишком старается. Но зачем? Чтобы расположить нас к себе перед завтрашним оглашением завещания или отвлечь внимание от

чего-то гораздо более важного?»

Дети сидели рядом с родителями, создавая иллюзию обычного семейного ужина. София молча рисовала на салфетке странные узоры, похожие на переплетающиеся линии лабиринта. Джулия задумчиво смотрела на пламя свечи, словно пыталась увидеть в нём нечто скрытое. Мари тихо расспрашивала мать о море и яхтах, виднеющихся из окон замка. Лука и Давид уже спорили о будущем, противопоставляя мир бизнеса миру искусства, и каждый был уверен в собственной правоте. Взрослые улыбались, поддерживали беседу и обменивались любезностями, однако под внешней гармонией чувствовалось другое. Все понимали, что собрались здесь не только ради памяти графа.

— Я рад, что мы собрались здесь вместе, — произнес Майкл, уверенно поднимая бокал. — Семья должна быть рядом, когда решаются важные вопросы. Улыбка на его лице выглядела безупречно.

«Семья... Красивое слово. Но на самом деле всех нас привели сюда совсем другие причины. Меня интересует не ужин и не воспоминания. Меня интересует комната, код и наследство. Всё остальное — лишь декорации перед началом спектакля». Подумал Майкл.

Во главе стола сидела Виктория. Как хозяйка дома она выглядела безупречно спокойной и уверенной. Она поддерживала разговор, внимательно следила за гостями и почти незаметно наблюдала за каждым из присутствующих. Её взгляд

задерживался на лицах лишь на секунду дольше необходимого, словно она собирала невидимые детали сложной головоломки.

— Да, семья — это самое ценное, что у нас есть, — сказала она мягко.

Но внутри её мысли были совсем другими.

«Кто из вас понимает, что этот дом — не только деньги и камень? Кто способен увидеть то, что видел граф? Майкл опасен. Он привык побеждать. Элизабет наблюдательна гораздо больше, чем кажется. Дани... Дани может оказаться именно тем человеком, которого граф ждал все эти годы. А дети... дети замечают то, что взрослые давно перестали видеть».

Давид аккуратно отложил вилку и произнес.

— Вино превосходное, Виктория. Вы действительно разбираетесь в них. Он говорил спокойно, но взгляд его оставался внимательным.

«Она производит впечатление человека, который редко ошибается. Если она способна так выбирать вина, то и загадки графа наверняка изучала не один год».

Мари сидела тихо и почти не участвовала в разговоре.

— Здесь красиво, как в сказке, — едва слышно произнесла она.

Никто не обратил особого внимания на её слова.

«Но сказки бывают разными. Вокруг Виктории словно тень. А вокруг Дани — свет. Странно. Наверное, взрослые

не поймут, если я скажу это вслух». Подумала Мари.

Дани молчал, наблюдая за игрой света в бокалах и отражениях серебра.

— Должен признаться, этот ужин напоминает мне детство. Здесь многое осталось таким же, каким я помню.

Голос его звучал спокойно.

«И всё же ничего не осталось прежним. За этим столом каждый носит собственную маску. Завтра они начнут падать. Дядя никогда не делал ничего случайно. Если он оставил загадку, значит оставил её не ради развлечения».

Майкл слегка приподнял бокал.

— Замок выглядит так, будто хранит больше, чем просто стены и картины. Не правда ли, Виктория?

Разговоры постепенно стихли. Несколько человек подняли головы. Даже дети почувствовали перемену интонации. Виктория выдержала короткую паузу.

— У каждого старого замка есть свои легенды. Возможно, когда-нибудь я расскажу вам одну из них. Изабелла слегка прищурилась.

— Только одну?

На её губах появилась улыбка, но в голосе прозвучал скрытый вызов.

Майкл сделал небольшой глоток вина.

— Скажите честно, Виктория. Слухи о тайной комнате — это миф или правда?

Вопрос прозвучал буднично, но последствия его мгновен-

но почувствовали все. Свечи тихо потрескивали. За окнами шумело море. Элизабет едва заметно напряглась.

«Как всегда. Он идёт напролом. Но, возможно, именно поэтому его так легко просчитать».

Огюст, подливая вино, едва заметно склонил голову. Жан-Мишель неожиданно крепче сжал поднос. Они внимательно слушали весь разговор, но не подавали виду. На короткое мгновение ему показалось, что он услышал нечто такое, чего не должен был знать молодой слуга. Никто этого не заметил. Кроме Огюста. Старый слуга бросил на него быстрый взгляд и тут же вновь принял привычно невозмутимый вид. Виктория спокойно поставила бокал на стол.

— Иногда легенды становятся правдой, — произнесла она мягко. — Но только тогда, когда приходит время.

После этих слов над столом повисла особая тишина. Не неловкая. Неслучайная. Это была тишина людей, которые одновременно подумали об одном и том же. О наследстве. О тайной комнате. О завещании. О том, что уже завтра нотариус откроет дверь в совершенно новую реальность.

И тогда Виктория неожиданно улыбнулась и словно случайно перевела разговор.

— Кстати, сегодня вам подают сыры, которые далеко не всегда можно встретить даже в лучших ресторанах Парижа. Этот комте выдерживали более трёх лет в пещерах Юры. У него удивительный вкус — ореховый, с лёгкими оттенками свежего хлеба и луговых трав. По её едва заметному кивку

Огюст подал сырное ассорти, а Жан-Мишель наполнил бокалы белым вином. Напряжение немного ослабло. Но только внешне.

— Изумительно, — сказал Давид, попробовав сыр.

«Ловко. Очень ловко. Она ушла от ответа так, что никто не смог продолжить атаку».

— Виктория, у вас отменный вкус, — заметила Элизабет.

«Она умна. Слишком умна для простой вдовы. И если легенда о комнате существует, то знает она гораздо больше, чем говорит».

Майкл сделал вид, что полностью сосредоточен на вине.

«Пусть играет. Завтра нотариус всё равно откроет карты».

Дани вновь посмотрел на Викторию.

«Она снова ушла от ответа. Подумал он. Но в её словах было что-то ещё. Не просто осторожность. Словно она знает правду и боится сказать больше».

Мари тихо попробовала кусочек сыра и снова посмотрела на Дани.

«Это он. Почему-то мне кажется, что именно он должен найти то, что все ищут. Но некоторые вещи лучше не говорить раньше времени».

Огюст поставил на стол следующее блюдо и с привычным спокойствием произнёс:

— Сыры всегда помогают примирить разные вкусы.

За столом раздался смех. Даже Майкл улыбнулся. Но каждый понимал, что истинное напряжение никуда не исчезло.

Оно лишь спряталось глубже. Как тайна, скрытая где-то в стенах замка Делон. Как дверь, которую ещё никто не открыл. Как вопрос, ответ на который должен был прозвучать уже совсем скоро.

За окнами ветер усилился. Волны с глухим шумом ударялись о скалы далеко внизу. Старые стены молчали, как молчали сотни лет до этого вечера. Однако где-то в глубине замка уже ждала тайна, способная изменить судьбу каждого из присутствующих. И право первого действия принадлежало не им.

Оно принадлежало покойному графу Делон.

Глава 4. Утро. Второй день в замке Делон.

Утро выдалось ясным и удивительно спокойным. Солнце уже поднялось над морем, и его свет дробился на тысячах бликов, превращая воду в живое серебро. Свежий морской воздух свободно гулял между башнями замка Делон, наполняя старые стены ощущением ожидания. Казалось, сам замок готовился к чему-то важному. После вчерашнего ужина напряжение не исчезло. Оно лишь затаилось, словно невидимый обитатель старого дома, терпеливо ожидающий своего часа.

Ближе к полудню к главным воротам подъехал первый автомобиль. Из него вышла Анжела. Как всегда, безупречно собранная, в строгом темном костюме, она выглядела женщиной, привыкшей контролировать не только собственную жизнь, но и окружающее пространство. Рядом появился её муж Филиппо — спокойный, сдержанный человек, предпочитавший больше наблюдать, чем говорить. За ними следовали дети. Рафаэль шёл немного позади родителей, задумчиво рассматривая замок, а София держала в руках небольшой блокнот и карандаш, продолжая что-то рисовать даже во время ходьбы. У входа их уже ожидала Виктория.

— Добро пожаловать, дорогие. Как прошла дорога из Милана?

Анжела слегка кивнула.

— Как всегда утомительно. Но некоторые места стоят того, чтобы возвращаться в них снова. На её лице появилась лёгкая улыбка.

«Я не позволю никому увидеть усталость. В этой семье слабость замечают быстрее всего. Пусть они видят уверенность. Пусть думают, что я приехала лишь ради памяти графа. Так будет проще». Подумала Анжела.

Рафаэль почти не участвовал в разговоре. Его взгляд медленно скользил по башням, окнам и старым каменным стенам.

«Странное место. Такое чувство, будто замок смотрит на нас. Словно он давно знает, зачем мы приехали. Может быть, некоторые дома действительно умеют хранить память?»

София неожиданно остановилась возле входа и быстро провела карандашом несколько линий. На странице появилась арка. Очень старая арка. Проблема заключалась лишь в том, что ничего похожего рядом не было.

«Они не видят её. Но она здесь. Почему я вижу ее снова и снова?»

Виктория на мгновение посмотрела на рисунок девочки, однако ничего не сказала. Через некоторое время к замку подъехал второй автомобиль. Из машины первым вышел Томас. На его лице играла привычная ироничная улыбка че-

ловека, который заранее сомневается во всём происходящем. Следом появилась Кэтрин — собранная, внимательная и спокойная. Генри вышел с гитарным футляром на плече, словно приехал не на семейное собрание, а на творческое путешествие. Последней появилась Эмма. Она внимательно посмотрела на замок и почти сразу нахмурилась.

— Томас, — произнесла Виктория сдержанно, — мы рады вашему приезду.

— Посмотрим, насколько рад нашему приезду сам замок, — усмехнулся он, поднимая взгляд на башни. Внешне он шутил. Но мысли его были гораздо серьёзнее.

«Все вокруг слишком напряжены. Будто приехали не на чтение завещания, а на начало войны. Самое интересное, что большинство из них даже не понимают, ради чего воюют».

Кэтрин обменялась с Викторией рукопожатием.

— Рада снова вас видеть.

«Она держится идеально. Даже слишком идеально. Интересно, сколько правды скрывается за этой улыбкой? Люди редко бывают настолько спокойны без причины».

Генри медленно осмотрел холл.

«Этот дом звучит. Каждый старый дом звучит по-своему. Здесь есть напряжение. Низкая нота. Она тянется сквозь стены. Словно кто-то играет один и тот же аккорд уже много лет».

Эмма шла позади остальных и внимательно наблюдала за Викторией.

«Она красива. Очень красива. Но дело не в этом. Вокруг неё словно что-то скрыто. Что-то такое, о чём никто не говорит вслух». Подумал Эмма.

Виктория провела гостей внутрь замка. В большом холле их уже ожидали Дани Майкл с семьёй и остальные прибывшие родственники. Именно в этот момент атмосфера окончательно изменилась. До сих пор все приезжали по отдельности. Теперь же фигуры заняли свои места на доске. Каждый увидел каждого. Каждый начал оценивать остальных. Каждый понял, что больше не находится в стороне от происходящего.

— Замок Делон снова собрал всех под одной крышей, — произнесла Виктория с лёгкой торжественностью.

Огюст стоял неподалёку, сохраняя привычное спокойствие. Рядом находился Жан-Мишель, готовый принять багаж новых гостей. Молодой слуга старался выглядеть уверенно, но ощущал нарастающее напряжение почти физически. Анжела посмотрела вокруг, словно оценивая не интерьер, а людей. Затем неожиданно спросила:

— Интересно, Виктория… вы ведь жили здесь вместе с графом. Неужели за всё это время вы ни разу не сталкивались с тем, что называют тайной комнатой?

Вопрос прозвучал спокойно. Но словно невидимая струна натянулась в воздухе. Разговоры стихли. Даже дети подняли головы. Виктория улыбнулась. Спокойно и безупречно. Но её глаза на мгновение блеснули чуть ярче обычного.

— О, Анжела... разве не в этом и заключается очарование любой легенды? Никто не знает наверняка. Даже я. Наступила короткая пауза. Майкл внимательно наблюдал за её лицом.

«Она лжёт. Или говорит не всю правду. Но делает это слишком красиво. Значит, правда действительно существует». Подумал Майкл.

Кэтрин тоже заметила эту паузу.

«Она снова ушла от прямого ответа. Интересно. Очень интересно. Люди обычно начинают уклоняться тогда, когда приближаются к опасной теме».

Дани молча смотрел на Викторию.

«Она защищает тайну. Не комнату. Именно тайну. А значит, всё это реально. Письмо дяди. Перстень. Намёки. Всё связано».

София перевела взгляд со взрослых на свой рисунок. Арка на бумаге стала еще четче. Теперь рядом с ней появился едва заметный проход, уходящий в темноту. Девочка нахмурилась. Она не понимала, почему рисует именно это. Но рука продолжала двигаться сама.

А где-то глубоко внутри старого замка Делон тайна терпеливо ждала того момента, когда первый человек сделает правильный шаг.

Завтрак.

Завтрак был накрыт в большом зале. Белоснежные скатерти, блеск фарфора и серебра, ароматы свежей выпечки и кофе создавали атмосферу почти беззаботного семейного утра. На столах лежали ещё тёплые круассаны, хрустящие багеты, стояли блюда со сливочным маслом, домашним медом, копчёным лососем и омлетами с ароматными травами. Но главным украшением стола стали десерты.

На больших серебряных блюдах возвышались разноцветные макарони, шоколадные эклеры, корзиночки со свежими ягодами, нежный ванильный мильфей и крем-брюле с идеально хрустящей карамельной корочкой. Даже взрослые невольно задерживали взгляд на этом великолепии, а дети и вовсе смотрели на сладости как на сокровища.

— Я возьму ещё один эклер! — радостно воскликнула Эмма, заставив нескольких взрослых улыбнуться.

Джулия молча потянулась за ярким макарони. На её лице появилась редкая улыбка. Мари осторожно попробовала крем-брюле и счастливо посмотрела на мать.

— Мне кажется, это лучшее утро в моей жизни. — Произнесла Мари.

Даже обычно сдержанный Давид позволил себе второй макарони, чем вызвал удивленный взгляд Майкла. Анжела аккуратно взяла тонкий кусочек мильфея и сделала неболь-

шой глоток кофе.

— Иногда сладкое необходимо, чтобы мыслить ясно, — заметила она спокойным голосом.

Её слова прозвучали почти случайно. Но мысли были совсем другими.

«А ясность мне сегодня особенно нужна. Подумала Анжела. Потому что сегодня в этом доме начнется настоящая игра. Многие думают о деньгах. Некоторые — о власти. Кто-то надеется сохранить семью. Но каждый из нас приехал сюда за чем-то своим».

Разговоры за столом постепенно становились оживленнее. Говорили о погоде, о море, о воспоминаниях детства, о графе Делон. Однако за всеми словами чувствовалось скрытое ожидание. Оно присутствовало в паузах, во взглядах, в слишком осторожных улыбках. Майкл медленно помешивал кофе.

«Скоро всё начнётся. Завещание даст первые ответы. Но настоящие вопросы появятся потом».

Элизабет наблюдала за мужем.

«Он уже строит планы. Всегда строит планы. Но жизнь редко следует нашим расчётам».

Томас выглядел расслабленным, однако его взгляд внимательно скользил по лицам присутствующих.

«Каждый считает себя самым умным. Именно поэтому сегодняшний день обещает быть интересным».

Во главе стола сидела Виктория. Она почти не вмешива-

лась в разговоры, лишь изредка улыбаясь гостям.

«Они думают, что ждут завещания. На самом деле они ждут гораздо большего. И никто из них пока не понимает, насколько далеко всё зайдёт».

Дани пил кофе и смотрел в окно на сверкающее море.

«Странно. Всё выглядит таким спокойным. Но именно перед бурей море часто бывает самым тихим. Дядя оставил нам не просто наследство. Он оставил загадку. И сегодня мы сделаем первый шаг к её пониманию».

За окнами сияло солнце. Дети смеялись. На столе ещё оставались десерты. Всё выглядело мирно и безмятежно. Но где-то в глубине старого замка уже ожидала тайна. И до встречи с ней оставалось всего несколько часов.

Завершение завтрака и оглашение первой части завещания. День 3.

Когда десерты почти закончились, а разговоры постепенно начали стихать, Огюст сделал шаг вперёд. Его высокая фигура сразу привлекла внимание присутствующих. Старый слуга выглядел необычайно серьёзным. Даже привычная мягкость его взгляда сегодня уступила место внутренней сосредоточенности. Он дождался полной тишины и произнёс ровным, ясным голосом:

— Господа и дамы. Я рад сообщить, что нотариус прибудет в замок к полудню. У вас есть время подготовиться.

Он сделал короткую паузу и слегка поклонился.

— Завтрак завершён.

По залу прокатилась почти незаметная волна напряжения. Гости переглянулись. В каждом взгляде теперь читалось одно и то же чувство — смесь любопытства, надежды, тревоги и ожидания. Сладкое утро закончилось. Впереди их ждала правда, которую покойный граф хранил до самого последнего дня своей жизни.

К полудню все собрались в большом зале замка Делон. Высокие окна были закрыты тяжёлыми бархатными шторами, и внутри царил мягкий полумрак. Большой камин наполнял помещение живым теплом. Пламя отражалось в бронзовых подсвечниках и лакированной поверхности старинной

мебели, а длинные тени медленно двигались по каменным стенам, словно незримые свидетели прошлого собрались посмотреть на происходящее.

Слуги заранее расставили кресла полукругом, чтобы каждый видел остальных. Никто не мог спрятаться в стороне. Никто не мог остаться лишь наблюдателем.

В центре стоял тяжелый дубовый стол. На нём лежал большой конверт, запечатанный старинной сургучной печатью с гербом рода Делон. Красный воск поблескивал в свете свечей, словно до сих пор хранил тепло руки человека, поставившего эту печать.

Виктория сидела немного в стороне. Внешне она выглядела спокойной, но её взгляд выдавал внутреннее напряжение. Майкл сохранял привычную уверенность, хотя пальцы его несколько раз коснулись узла галстука. Анжела сидела неподвижно, словно стараясь не пропустить ни единого слова. Томас выглядел расслабленным, но глаза его внимательно следили за каждым движением присутствующих. Дани молчал. Его взгляд несколько раз задерживался на конверте.

«Вот оно. Начинается. Всё, о чём намекал дядя. Всё, к чему вели его загадки». - Подумал Дани.

В зал вошёл нотариус. Высокий мужчина в безупречном черном костюме двигался спокойно и уверенно. Он положил на стол папку с документами и занял своё место рядом с конвертом. Неподалёку стоял Огюст. Прямой, неподвижный, сдержанный. Сейчас он казался не просто слугой, а ча-

стью самого замка, одним из его старых камней, который видел слишком многое и слишком долго молчал.

Нотариус осторожно взял конверт. Когда сургучная печать была сломана, в тишине зала прозвучал сухой хруст. На мгновение показалось, что даже стены прислушались. Нотариус развернул письмо и начал читать:

— «Моё наследство не делится золотом и камнями. Оно спрятано там, где разум соединяется с памятью. Найдёт его лишь тот, кто сумеет понять символы и прочитать знаки, оставленные мною в этом доме».

В зале стало еще тише. Даже дети перестали двигаться.

— «Испытание будет состоять из трёх этапов. На каждый этап отводится три дня. Тот, кто не сумеет пройти испытание, получит утешительный приз в один миллион евро и покинет игру».

Несколько человек невольно переглянулись. Теперь слово «игра» прозвучало официально. Оно превратило наследников в соперников. Майкл чуть сильнее сжал подлокотник кресла.

«Три этапа. Значит, всё серьёзнее, чем я предполагал».

Анжела сохраняла неподвижность.

«Граф никогда не любил простых решений. Хорошо. Тем интереснее».

Изабелла едва заметно прикусила губу.

«Похоже, нас ждёт не чтение завещания, а настоящий спектакль».

Нотариус продолжил:

— «Первое испытание начинается завтра на рассвете. Его тема связана с историей древнего Рима».

В этот момент внезапный сквозняк проник в зал. Свеча у окна дрогнула и погасла. Несколько человек невольно вздрогнули. Даже Огюст бросил быстрый взгляд на окно. Нотариус поднял глаза от документа.

— Кроме того, граф Делон постановил включить в число возможных наследников не только родственников.

Он сделал короткую паузу. В зале вновь воцарилась абсолютная тишина.

— Но и человека, который служил ему всю жизнь. Огюста д'Анри.

На этот раз удивления не скрывал никто. Все взгляды одновременно обратились к старому слуге. Даже дети подняли головы. Огюст несколько секунд стоял неподвижно. Затем слегка склонил голову.

— Для меня это большая честь, мсье.

Голос его оставался спокойным. Но где-то глубоко внутри он почувствовал то, чего не испытывал уже много лет. Страх. Нотариус снова посмотрел в документы.

— А теперь первая загадка, оставленная графом.

Он начал читать медленно и отчётливо, словно каждое слово имело особый вес.

— «Я был свидетелем славы и падения. Я видел, как один человек пересек реку, и с того дня судьба империи измени-

лась. Я знаю дорогу, ведущую в сердце мира, и руки, воздвигшие камни вечности. Меня предали, но я всё же бессмертен. Найди меня в стенах этого дома — и первый ключ будет твой».

Последние слова растворились в тишине. Никто не заговорил. Каждый уже искал ответ. Юлий Цезарь. Рубикон. Предательство. Рим. Все понимали направление загадки. Но никто не понимал, где искать её решение. В библиотеке или старых картах? В латинских надписях или в архитектуре замка?

Или в чём-то гораздо более очевидном, что все годы оставалось прямо перед глазами? Нотариус аккуратно закрыл папку.

— На этом чтение первой части завещания завершено.

Однако никто сразу не поднялся. Несколько секунд люди просто смотрели друг на друга. Словно пытались понять, кто станет первым соперником. А кто — возможным союзником. Наконец Майкл медленно поднялся и поправил галстук.

— Ну что ж, — произнес он с лёгкой улыбкой. — Похоже, граф решил развлечь нас напоследок.

Анжела холодно посмотрела на него.

— Или проверить, кто из нас действительно достоин его имени.

Томас усмехнулся.

— В любом случае это уже гораздо интереснее обычного

завещания.

Изабелла ничего не сказала. Она смотрела на потухшую свечу. Виктория тоже молчала. Но её взгляд на одно короткое мгновение остановился на Дани. Именно это заметил Майкл и Анжела.

И именно в этот момент Дани окончательно понял, что игра уже началась. Где-то в глубине старого замка Делон ждала тайная комната. А вместе с ней — ответ, ради которого покойный граф собрал их всех под одной крышей.

Поиски начинаются.

После оглашения завещания обстановка в замке сильно изменилась. Ещё утром его коридоры были наполнены ожиданием, теперь же в каждом помещении чувствовалось напряжение людей, внезапно осознавших, что они стали участниками настоящего состязания. В гостиной Майкл стоял у окна, держа в руке бокал минеральной воды. За его спиной виднелось море, залитое солнечным светом. Он говорил негромко, но в голосе звучала привычная жесткость человека, привыкшего добиваться своего любой ценой.

— Ты понимаешь, Элизабет? Это не игра. Всё слишком тщательно продумано. Граф просчитал каждый шаг. Я должен выиграть. Мы должны выиграть. Затем он перевёл взгляд на сына.

— Давид, ты со мной? Давид спокойно кивнул. Внешне его лицо оставалось бесстрастным, но внутри уже работал холодный аналитический механизм. Он мысленно раскладывал загадку на элементы, словно сложную математическую задачу. «Да. Я найду закономерность. Здесь есть система. Любая загадка имеет структуру. Мы победим». Подумал он. Элизабет ничего не сказала. Она смотрела на Мари, которая задумчиво водила пальцем по запотевшему стеклу. Девочка рисовала круги, сама не замечая этого. «Странно, — подумала Элизабет, — иногда дети замечают то, что взрослые уже

не способны увидеть. Возможно, она понимает эту загадку лучше нас всех».

В другом крыле замка Анжела мерила шагами свою комнату. Она двигалась быстро и сосредоточенно, словно уже участвовала в невидимой гонке. — Загадка о Цезаре... конечно. Это испытание не на удачу, а на знания. Для тех, кто умеет мыслить исторически. Мы должны быть первыми. Филиппо сидел за столом, просматривая свои записи. — Возможно, ключ скрывается в галерее. Или в старых латинских надписях. Граф любил символы. Рафаэль стоял у окна и смотрел на башни замка. «Этот дом живой. Иногда мне кажется, что он наблюдает за нами. Нужно только понять, как услышать его голос». София сидела на ковре, положив перед собой блокнот. Её карандаш снова выводил треугольники. Один внутри другого. Затем ещё один. Она нахмурилась. «Камни... расстояния... во сне старик снова раскладывал их на полу. Всё связано. Но пока я не понимаю как».

Томас устроился в кресле с бокалом вина и выглядел человеком, которого происходящее одновременно забавляет и раздражает. — Ну вот и началось. Загадки, коды, Рим, тайные комнаты... Если бы мне рассказали об этом неделю назад, я бы решил, что это сюжет дешевого романа. Кэтрин посмотрела на мужа без улыбки. — Не недооценивай происходящее. Люди становятся опасными, когда речь заходит о больших деньгах. Особенно родственники. Томас усмехнулся, но возражать не стал. Генри сидел неподалёку с гитарой

и перебирал струны. Негромкие аккорды растворялись в тишине комнаты. «Странно, — думал он, — эта загадка звучит почти как музыка. Сначала появляется тема, потом вариации, потом скрытый мотив. Возможно, ответ нужно не искать, а услышать». Эмма сидела рядом, поджав ноги.

— Мне всё это не нравится, — призналась она тихо.

— Если честно, мне страшно. — Произнесла она тихо. В её голосе не было каприза. Только искреннее предчувствие чего-то неизвестного.

Изабелла сняла серьги и небрежно бросила их на столик.

— Всё это похоже на великолепную драму, а я никогда не любила играть второстепенные роли. — Марко покорно кивнул вспомнив пару ситуаций из совместной жизни.

— Тогда нам придётся быть впереди остальных. — сказал Лука и уверенно улыбнулся.

— Загадка связана с Римом. А Рим — мой город. Думаю, граф недооценил меня. — Джулия, сидевшая в стороне с альбомом, едва слышно прошептала:

— Дверь откроется не тому, кто громче всех говорит. — Её никто не услышал.

Вечерний разговор.

Вечером в большом зале накрыли скромный фуршет. По распоряжению Огюста на столах появились сырные тарелки, свежий хлеб, фрукты, немного паштета и несколько бутылок вина. После роскошных трапез предыдущих дней такой ужин выглядел почти аскетичным. Однако никто особенно не жаловался. Большинство присутствующих были слишком заняты своими мыслями. Люди брали еду скорее по привычке, чем из чувства голода. Дети лениво ковырялись в тарелках. Взрослые задумчиво смотрели в бокалы. Над залом висела странная тишина, наполненная не высказанными предположениями.

Наконец Дани сидевший чуть в стороне, откинулся на спинку кресла и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Ну что, кто-нибудь догадался? — Его слова мгновенно привлекли внимание всех присутствующих. Анжела резко подняла глаза.

— Ах, Дани... Ты всегда любил выглядеть умнее остальных. Надеюсь, на этот раз у тебя есть основания для такой уверенности. — Изабелла рассмеялась коротким театральным смехом.

— Верно. Всё-таки ты программист, а не историк. Посмотрим, насколько полезны окажутся компьютеры против графа Делон. — Кэтрин холодно добавила:

— Честно говоря, твоё спокойствие выглядит подозрительно. Все напряжены, а ты словно уже что-то знаешь. — Дани лишь пожал плечами.

— Иногда ответы находятся там, где остальные видят только хаос. — Майкл усмехнулся и подлил себе вина. — Если знаешь ответ — скажи. Или боишься ошибиться? — Но Дани промолчал. Он сделал небольшой глоток и перевёл взгляд на Викторию. Этот короткий взгляд заметили сразу несколько человек. Напряжение в комнате стало почти осязаемым.

Виктория мягко вмешалась в разговор.

— Дорогие мои, завтра у нас будет достаточно времени для загадок. Думаю, сегодняшний вечер стоит закончить спокойно. — Формально все согласились. Но каждый понимал, что спокойствие уже осталось в прошлом. Люди начали постепенно расходиться по комнатам. Кто-то уносил записи. Кто-то книги. Кто-то собственные догадки и подозрения. Замок вновь погружался в ночную тишину. Только ветер гулял между башнями и шелестел ветвями старых деревьев за окнами. А где-то глубоко внутри каменных стен продолжала ждать первая тайна графа Делон. И это был лишь первый день игры, которую он начал даже после собственной смерти.

Глава 5. Поиски первого ответа.

С самого утра замок ожил. Родственники разбрелись по коридорам, библиотекам, галереям и лестницам, вооружившись блокнотами, карандашами и листами бумаги. Теперь каждый угол казался потенциальной подсказкой. Каждая картина могла скрывать намёк. Каждая надпись — фрагмент кода. Анжела внимательно изучала портреты предков и подписи под ними.

— Здесь звук другой, — негромко произнес он. — Слышишь? Эта часть стены кажется пустотелой.

Анжела приложила ладонь к холодному камню.

— Или нам просто хочется, чтобы она оказалась пустотелой.

Но внутри она думала иначе.

«Граф никогда не оставлял случайных деталей. Если загадка связана с Римом, значит ответ уже находится перед глазами. Нужно лишь научиться смотреть правильно».

Неподалёку София сидела на полу возле высокого окна. Её блокнот был открыт на коленях, а карандаш непрерывно выводил линии. Она снова рисовала треугольники. Один внутри другого. Затем ещё один. Затем соединяла их странными линиями, словно повторяла давно знакомую схему.

«Камни... расстояния... треугольники... Какой-то старик

снова раскладывал их в моем сне. Почему это возвращается ко мне снова и снова?» Подумала София.

Рафаэль стоял у окна и смотрел на замок с таким вниманием, будто надеялся услышать ответ от самих стен.

«Этот дом живёт собственной жизнью. Иногда мне кажется, что он наблюдает за нами. Нужно только понять его язык».

В другом крыле замка Майкл и Давид исследовали главный зал с методичностью инженеров. Они внимательно осматривали колонны, измеряли расстояния между архитектурными элементами, изучали латинские надписи на гербах и несколько раз возвращались к одним и тем же местам.

— Всё должно иметь систему, — произнёс Давид, делая пометки. — Любая загадка строится по определённым правилам. Майкл кивнул.

— И если граф действительно создал игру, значит он оставил достаточно подсказок для того, чтобы ее можно было выиграть. Однако внутри он думал совсем другое.

«Я не собираюсь проигрывать. Ни Дани. Ни Анжеле. Никому».

Элизабет двигалась отдельно от них. Она медленно проходила вдоль тяжелых драпировок, касалась старой ткани, останавливалась возле окон и ниш, словно пыталась почувствовать нечто скрытое.

«Иногда люди ищут глазами то, что нужно искать сердцем и интуицией».

Томас исследовал замок совершенно иначе. Он открывал шкафы, проверял панели, двигал кресла и заглядывал в самые неожиданные места.

— Если граф и спрятал комнату, то явно не в шкафу, — усмехнулся он, закрывая очередную дверцу.

Кэтрин посмотрела на него с лёгкой иронией.

— Ты удивишься, сколько тайн люди прячут именно в самых очевидных местах. —

Сама она внимательно изучала каменную кладку, проводя пальцами по швам между плитами.

«Он оставил загадку не ради развлечения. Значит решение должно говорить что-то о самом графе».

Генри бродил по коридорам с гитарой. Время от времени он касался струн, позволяя звукам растворяться под сводами замка. Иногда он неожиданно останавливался и прислушивался к эху.

«Странно. Некоторые места звучат иначе. Словно пространство меняется».

Изабелла и Марко спорили возле огромного зеркала в золочёной раме. Она утверждала, что зеркало относится к эпохе Людовика XV, а Марко был уверен, что перед ними более поздняя работа.

— Если мы будем спорить о мебели, то состаримся раньше, чем найдем комнату, — рассмеялась Изабелла.

Но даже она периодически бросала взгляды на стены. Лука ходил по залам с блокнотом, делая пометки с серьезно-

стью режиссёра, изучающего будущую сцену.

— Всё это напоминает мне спектакль, — произнес он однажды. — Только никто пока не знает финала.

Джулия сидела в углу библиотеки и рисовала разные фигурки и башни замка. Затем добавила между ними небольшую арку. Она долго смотрела на рисунок.

— Странно, — прошептала она сама себе. — Я уже видела это раньше.

И почти в каждом коридоре неожиданно появлялся Огюст. То он поправлял свечи, то проверял двери, то просто стоял у окна и смотрел на море. Иногда казалось, что он случайно оказывается рядом с поисками родственников. Но иногда возникало ощущение, что он появляется именно там, где кто-то подходит слишком близко к чему-то важному. Его лицо оставалось спокойным и непроницаемым. Однако внутри старого слуги росло беспокойство.

«Некоторые двери должны оставаться закрытыми. Не все тайны делают людей счастливее». Подумал он.

Завтрак загадок. Четвертый день.

Утро выдалось ясным и необычайно тихим. Солнечный свет проникал сквозь высокие витражные окна замка Делон и золотистыми полосами ложился на каменный пол большого зала. Море за окнами сверкало так ярко, словно сама природа решила подарить дому спокойствие перед очередным испытанием. Однако за внешней красотой скрывалось совсем другое настроение. После вчерашнего оглашения завещания никто уже не воспринимал этот день как обычное утро. Каждый понимал, что игра началась, а значит, любое слово, любой взгляд и даже случайная деталь могли оказаться важнее, чем казались на первый взгляд.

На длинных столах, покрытых безупречно белыми скатертями, были расставлены блюда, достойные лучших гостиниц Лазурного берега. Свежие круассаны источали аромат сливочного масла, рядом лежали хрустящие багеты, стояли кувшины с медом и домашними джемами, серебряные блюда украшали ломтики лосося, сыры и омлеты с ароматными травами. Но главным украшением завтрака оставались десерты. Горки разноцветных макарони, шоколадные эклеры, корзиночки с ягодами, воздушный мильфей и крем-брюле с идеально карамелизированной корочкой привлекали внимание даже тех, кто обычно избегал сладкого.

Дети наслаждались завтраком искренне и беззаботно. Для

них загадка графа всё ещё оставалась скорее приключением, чем поводом для тревоги. Взрослые же ели рассеянно. Их мысли были заняты совсем другим. За внешним спокойствием скрывались расчёты, подозрения и ожидание первого настоящего хода в этой странной партии.

Майкл откинулся на спинку кресла, поднял чашку кофе и внимательно посмотрел на Дани. Некоторое время он молчал, словно оценивая противника перед началом поединка.

— Ну что, Дани — произнес он с лёгкой усмешкой, — ты выглядишь слишком спокойно для человека, которого втянули в такую бурю. Может быть, ты знаешь больше остальных?

За столом сразу стало тише. Несколько человек подняли головы. Вопрос был задан небрежно, но каждый почувствовал скрытый смысл и ждал ответа.

Дани неторопливо отложил ложку и посмотрел на Майкла.

— Иногда тот, кто знает слишком много, оказывается лишь в самом начале пути, — спокойно ответил он.

Изабелла прищурилась. Её актёрская интуиция всегда заставляла настороженно относиться к людям, которые говорят намеками.

— Загадками отвечаешь? Очень удобно, — произнесла она. — Похоже на театр. Ты всегда любил красивые сцены, Дани.

На лице Дани появилась едва заметная улыбка.

— А разве не сцена этот замок? Разве не роли мы все здесь играем?

На несколько секунд за столом повисла тишина. Каждый услышал в его словах что-то своё. Для кого-то это была шутка. Для кого-то предупреждение.

Анжела поставила чашку на блюдце чуть громче, чем требовали правила хорошего тона.

— Замок — это не сцена, — произнесла она холодно. — Это испытание. И если кому-то уже известен ключ, я предпочла бы узнать об этом сейчас.

Дани посмотрел на неё спокойно.

— Ключ всегда находится у того, кто способен увидеть больше, чем ему показывают. —

Анжела нахмурилась.

«Он играет. Намеренно играет с нами. Но почему он так уверен? Неужели граф действительно что-то оставил именно ему?»

Элизабет слегка наклонилась вперёд. В её голосе не было агрессии, но внимательность ощущалась в каждом слове.

— Значит, ты видишь то, чего не видим мы?

Дани сделал небольшой глоток кофе.

— Я просто смотрю на то, что открыто каждому. Но далеко не каждый решается смотреть достаточно внимательно.

Теперь уже почти все наблюдали за ним. Сам того не желая, он вновь оказался в центре внимания. Чем меньше он говорил, тем больше вопросов возникало у остальных. За со-

седним столом дети продолжали завтракать гораздо спокойнее взрослых. Мари задумчиво вертела ложку в руках.

— Мне кажется, он прав, — произнесла она тихо. — Вчера вечером я снова рисовала треугольники. И мне показалось, будто стены что-то шепчут.

Лука сразу усмехнулся.

— Шепчут стены? Это уже слишком. Здесь нужна логика, а не сказки.

София даже не подняв головы от блокнота произнесла.

— Иногда дети видят яснее взрослых, — спокойно заметила она.

Лука хотел возразить, но почему-то промолчал.

Генри задумчиво перебрал пальцами воображаемые струны.

— А я понимаю, о чём она говорит. Вчера ночью я слышал странный ритм. Будто сам замок живёт собственной жизнью. Иногда мне кажется, что стены действительно разговаривают. Просто не словами.

Томас налил себе апельсиновый сок и усмехнулся.

— Великолепно. У нас уже есть философ, музыкант, прорицательница и специалист по говорящим стенам. Осталось только найти карту сокровищ, и мы окончательно превратимся в приключенческий роман.

Кэтрин бросила на мужа короткий взгляд.

— Иногда люди смеются именно тогда, когда начинают бояться.

Томас хотел ответить, но лишь пожал плечами.

Изабелла неожиданно снова повернулась к Дани.

— Но всё-таки почему все слушают именно тебя? Что в тебе такого особенного? Почему каждый раз, когда ты говоришь загадками, все начинают искать в них скрытый смысл?

Дани некоторое время смотрел на неё, словно подбирая слова.

— Возможно потому, что загадка часто оказывается ближе к истине, чем прямой ответ.

После этих слов над столом вновь повисло молчание. Даже звон посуды стал звучать тише. Майкл смотрел на Дани с плохо скрываемым раздражением. Анжела — с растущим подозрением. Изабелла — с любопытством. Элизабет — с осторожностью. А Виктория наблюдала за ним почти незаметно, но особенно внимательно.

«Ты действительно начинаешь понимать замок, Дани? Или граф подготовил тебя к этой игре ещё много лет назад?» — подумала она.

Дети постепенно вернулись к десертам. София снова рисовала свои загадочные фигурки. Мари задумчиво смотрела в окно. Лука пытался делать вид, что происходящее его не волнует. Но даже среди них уже чувствовалось ожидание чего-то важного.

Наконец Виктория нарушила затянувшееся молчание.

— Пусть каждый ищет свой путь к ответу, — сказала она мягко, но уверенно. — Завтрак — это ещё не сражение.

Несколько человек улыбнулись. Но никто не поверил её словам до конца. Потому что все понимали одно и то же. Сражение уже началось. И возможно, началось оно намного раньше, чем они приехали в замок Делон.

Поиски продолжаются.

Солнечные лучи проникали сквозь высокие окна замка Делон и ложились на мраморные полы длинными золотистыми полосами. Коридоры дышали прохладой, запахом старого камня и едва уловимой тайной. Казалось, что сам замок наблюдает за своими гостями, внимательно следя за каждым шагом, каждым взглядом и каждым прикосновением к его стенам. После оглашения завещания родственники уже не были просто семьёй, собравшейся под одной крышей. Теперь каждый стал охотником за разгадкой, а любой предмет мог оказаться частью великого замысла графа. Люди бродили по залам с блокнотами и листками бумаги, делали заметки, спорили, строили догадки и всё чаще посматривали друг на друга с плохо скрываемым подозрением.

Анжела и Филиппо задержались в галерее предков. Высокие портреты в тяжелых позолоченных рамах молча смотрели на них со стен, словно сами участвовали в происходящем. Анжела внимательно изучала резьбу на массивной раме портрета XVII века, а Филиппо наклонился ближе и указал на один из элементов орнамента.

— Видишь? Это похоже на букву «V» с поперечной чертой. Анжела скептически прищурилась, но её взгляд задержался на символе дольше обычного. — А может быть, это просто часть узора. Или кто-то очень хотел, чтобы мы при-

няли узор за знак. В этот момент в галерею вошёл Майкл. Он сразу заметил их напряженные лица и слишком быстро спрятанные записи. — Нашли что-то интересное? — спросил он небрежно. Анжела выпрямилась и спокойно ответила: — Возможно. Но не каждая находка предназначена для чужих глаз. Майкл лишь усмехнулся и пошёл дальше. Однако все трое понимали, что эта короткая беседа была не обменом любезностями, а разведкой.

В библиотеке Изабелла и Марко листали старинные фолианты, покрытые пылью времени. Сквозь высокие окна падал рассеянный свет, освещая пожелтевшие страницы с латинскими текстами и старинными гравюрами.

— Здесь слишком много упоминаний о Риме, — тихо сказала Изабелла. — Слишком много для простого совпадения. Марко покачал головой. — Именно поэтому это кажется слишком очевидным. Граф никогда не любил простых решений. Рядом стоял Лука и быстро делал записи в своём блокноте. Не поднимая головы, он произнес: — Самая большая ошибка умных людей — считать очевидное слишком простым. Иногда ответ лежит прямо перед глазами. В этот момент в библиотеку вошёл Томас с бокалом вина. — Надеюсь, вы уже нашли секретную комнату между страницами? — усмехнулся он. — Или хотя бы рецепт семейного богатства. Лука раздраженно посмотрел на него. — Ты все превращаешь в шутку. Томас улыбнулся ещё шире. — Потому что шутка часто оказывается ближе к правде, чем серьёзное

лицо.

Дани медленно шёл по длинному восточному коридору, когда неожиданно оказался в центре внимания сразу нескольких родственников. Майкл, Анжела и Виктория словно случайно встретились рядом с ним, но их взгляды выдавали совсем другие намерения.

— Дани — начал Майкл, — у тебя вид человека, который понимает происходящее лучше остальных.

— Ты ведь программист, — добавила Анжела. — Люди вроде тебя умеют видеть закономерности там, где остальные видят хаос. Может быть, ты уже понял принцип этой загадки? Дани остановился и посмотрел на них спокойно. Его лицо оставалось непроницаемым. — Система существует всегда. Но увидеть её можно только тогда, когда перестаёшь искать её напрямую. Виктория слегка наклонила голову. В её взгляде читались одновременно интерес и восхищение. — Ты снова говоришь загадками. Дани улыбнулся. — Загадка — это способ защитить истину от тех, кто ещё не готов ее услышать. После этих слов он спокойно пошёл дальше, оставив их в растерянности. Майкл нахмурился. Анжела почувствовала раздражение. А Виктория поймала себя на мысли, что всё больше хочет понять этого человека.

В подземных коридорах замка Генри и Эмма исследовали старую кладку. Здесь воздух был прохладнее, а звуки казались приглушенными. Генри несколько раз постучал по каменной стене и внезапно замер. — Слышишь? Здесь дру-

гой звук. Совсем другой. Он снова ударил костяшками пальцев по камню. Из глубины стены отозвался глухой пустой отклик. Эмма подошла ближе и приложила ладонь к холодной поверхности. — Думаешь, там что-то есть? Генри не ответил сразу. — Возможно. А возможно, замок просто хочет, чтобы мы так думали. Они переглянулись, но продолжать поиски не рискнули.

К полудню несколько семей одновременно встретились в большом холле. Элизабет разговаривала с детьми, Анжела обсуждала что-то с Филиппо, Томас лениво рассматривал старинную люстру над головой. — Мы нашли символы в западном зале, — заметила Элизабет. — Два треугольника, наложенные друг на друга. Анжела сразу подняла голову. — Такие же есть в галерее предков. Томас рассмеялся. — Замечательно. Значит, весь замок покрыт треугольниками. Может быть, граф оказался тайным масоном? Но Эмма неожиданно произнесла: — А если это не совпадение? Если именно это и есть подсказка? После её слов все замолчали. Даже Томас не нашёл ответа. Потому что каждый уже видел эти символы хотя бы однажды.

День тянулся медленно и утомительно. Люди переходили из зала в зал, исследовали потолки, изучали гобелены, перечитывали латинские надписи и спорили о значении каждой найденной детали. Но чем больше они искали, тем сильнее загадка ускользала от них. Казалось, замок намеренно показывал подсказки и тут же скрывал их за новыми вопросами.

Под вечер Дани остановился у окна в восточном крыле. За стеклом шумело море. Волны разбивались о скалы далеко внизу, а ветер осторожно колыхал тяжёлые шторы. Он долго смотрел на горизонт, вспоминая слова дяди о Цезаре, Риме и предательстве. «Я тоже пока не понимаю всей картины, — думал он. — Но дядя никогда не говорил лишнего. Если он упомянул Цезаря, значит ответ связан не только с историей. Он связан с выбором. С переходом через собственный Рубикон». Впервые за весь день ему показалось, что он приблизился к разгадке хотя бы на один шаг.

Когда солнце начало опускаться к морю, поиски постепенно прекратились. Никто не нашёл ответа. Никто не обнаружил дверь в тайную комнату. Но каждый был уверен, что находится ближе остальных к разгадке. А замок Делон продолжал молчать, словно терпеливо ожидая человека, который наконец сумеет понять его язык.

Вечерний разговор.

К вечеру поиски начали утомлять даже самых настойчивых. Большой зал замка Делон вновь наполнился мягким светом свечей и отблесками огня из камина. На длинном столе под белоснежной скатертью были расставлены блюда с сырами, свежим хлебом, фруктами, паштетами, жареной дичью и рыбой. На отдельном столике стояли бутылки вина и шампанского. Но ели мало. Люди были заняты совсем другим. За весь день они не приблизились к разгадке настолько, насколько надеялись утром, и это раздражало многих сильнее голода.

Весь вечер в воздухе ощущалась скрытая борьба. Каждая фраза звучала так, будто за ней прятался второй смысл. Майкл, наливая себе вино, усмехнулся и произнёс: — Мы весь день бродили по замку, словно археологи без карты. Только вместо преподавателя у нас призрак графа Делон.

Анжела сразу ответила: — Лучше археологи, чем туристы. По крайней мере, археологи ищут ответы, а не впечатления. Изабелла рассмеялась своим звонким театральным смехом. — А мне кажется, мы все выглядим одинаково растерянными. Хотя нет... — она повернулась к Дани. — Не все. Некоторые весь день ходят с видом человека, который уже знает финал пьесы.

Все взгляды невольно обратились к нему. Дани спокойно

поставил бокал на стол. — Вид может быть обманчив. Иногда молчание говорит больше слов. Томас усмехнулся и отломил кусочек хлеба. — А иногда молчание означает лишь то, что человеку нечего сказать. Генри негромко рассмеялся. — Папа, это ведь твой любимый приём в суде. Несколько человек улыбнулись, но напряжение не исчезло.

Майкл вновь посмотрел на Дани. — Хорошо. Тогда скажи прямо. Ты что-нибудь понял? Дани слегка откинулся на спинку кресла. — Иногда ответы лежат там, где остальные видят только хаос. — Очень удобно, — холодно заметила Кэтрин. — Говорить так, чтобы каждый услышал то, что хочет услышать. Анжела подалась вперёд. — Надеюсь, у тебя есть основания для этой уверенности. Иначе она выглядит слишком самонадеянно.

Дани ничего не ответил. Он лишь перевёл взгляд на Викторию. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Виктория первой нарушила тишину. — Дорогие мои, завтра у нас будет достаточно времени для споров. Сегодня лучше закончить вечер спокойно. Но спокойствие уже покинуло этот дом.

Рафаэль задумчиво смотрел в свою тарелку. — Странно, — произнес он. — Мне кажется, замок словно наблюдает за нами. София, рисовавшая на салфетке очередной треугольник, тихо добавила: — Он наблюдает. И ждёт. Лука усмехнулся. — Замок не может ждать. Это просто камни. Джулия подняла глаза от своего рисунка. — Камни помнят больше

людей. После этих слов даже Томас не стал шутить.

Тогда неожиданно заговорил Огюст. Старый слуга медленно разливал шампанское, затем поставил бутылку на стол и произнес спокойным голосом: — Я служу этому дому дольше, чем многие из вас живут на свете. И граф включил меня в число наследников. Значит, у меня столько же права искать ответы, сколько и у вас. За столом воцарилась тишина. — Но я хочу сказать другое, — продолжил он. — Замок любит тех, кто умеет слушать и ждать. А я умею слушать. Эти слова прозвучали странно. Слишком странно. В этот момент где-то наверху неожиданно раздался глухой удар. Все вздрогнули. Звук был таким, словно что-то тяжелое упало на каменный пол.

Майкл первым поднялся из-за стола. За ним вскочили Томас, Дани и несколько других мужчин. Они быстро поднялись по лестнице на второй этаж и направились к библиотеке, откуда, по их мнению, донёсся шум. Дверь оказалась приоткрыта. Внутри никого не было. Но прямо посреди комнаты лежала тяжёлая бронзовая статуэтка римского легионера, которая раньше стояла на верхней полке возле окна. Рядом на полу лежал лист бумаги. Дани поднял его первым. На пожелтевшем листе было написано всего несколько слов: «Не все хотят, чтобы комната была найдена». В комнате стало холодно. Майкл быстро осмотрелся по сторонам.

— Кто-то из нас решил пошутить?

Никто не ответил. Потому что все понимали: шутка была

слишком дорогой и слишком хорошо подготовленной.

Огюст внимательно посмотрел на записку, и впервые за весь вечер на его лице мелькнуло беспокойство.

— Этого раньше не было, — тихо сказал он.

Дани посмотрел на тёмное окно библиотеки, за которым шумело море.

И впервые с момента приезда в замок ему пришла в голову мысль, что речь идет уже не только о наследстве. Кто-то начал собственную игру. И этот человек явно не хотел, чтобы остальные добрались до тайной комнаты.

Дани в размышлениях.

Дани сидел в своей комнате уже больше часа. На столе перед ним лежал лист с загадкой графа, и за это время он перечитал её столько раз, что слова начали звучать в голове сами собой, будто жили отдельной жизнью. За окном шумело море, ветер временами ударял в стекло, а свет настольной лампы выхватывал из полумрака отдельные строки.

«Я был свидетелем славы и падения. Я видел, как один человек пересек реку, и с того дня судьба империи изменилась. Я знаю дорогу, ведущую в сердце мира, и руки, воздвигшие камни вечности. Меня предали, но я всё же бессмертен. Найди меня в стенах этого дома — и первый ключ будет твой».

Он медленно поднялся и подошёл к окну. Внизу, далеко под скалами, волны разбивались о камни. Ответ должен был быть где-то здесь, внутри текста, но каждый раз, когда ему казалось, что он приближается к разгадке, она снова ускользала. Первой мыслью был сам Юлий Цезарь. Всё указывало на него. Река — Рубикон. Предательство — Брут. Бессмертие — память потомков. Но чем дольше Дани размышлял, тем меньше верил в эту версию. Она казалась слишком прямой, слишком очевидной. Граф никогда не строил загадки таким образом. Если ответ лежал на поверхности, значит, он почти наверняка был ложным.

Он снова сел за стол и перечитал первую фразу. «Слава

и падение». Что-то не давало ему покоя именно в этих словах. Слава. Падение. Подъём. Падение. Возвышение. Падение. Он поймал себя на том, что мысленно начинает воспринимать эти понятия не как события, а как направления движения. Слава всегда устремляется вверх. Падение всегда идёт вниз. Эта мысль показалась ему странной, почти детской, и он даже усмехнулся собственным рассуждениям. Но через несколько секунд снова посмотрел на текст.

«Пересёк реку». Вода всегда стремится вниз. «Судьба империи изменилась». Империя после этого поднялась вверх. «Меня предали». Опять движение вниз. «Но я всё же бессмертен». Снова вверх. Дани нахмурился. Слишком много противоположностей. Слишком много повторений. Возможно, он просто устал. Возможно, мозг уже начинал видеть закономерности там, где их нет. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Но мысль не отпускала.

В памяти неожиданно всплыли десятки деталей, которые он прежде не связывал между собой. Треугольники на витражах. Треугольники в старой галерее. Треугольные элементы на потолках. Каменные узоры на полу. Они встречались по всему замку так часто, что давно стали частью фона. Дани взял лист бумаги и машинально нарисовал треугольник вершиной вверх. Затем рядом ещё один — вершиной вниз. Несколько секунд он смотрел на рисунок, потом хотел смять лист и выбросить его. Всё это казалось слишком надуманным.

Он встал, прошёлся по комнате и снова вернулся к столу. Нет. Если это ошибка, он обязан доказать самому себе, что это ошибка. Он начал искать другие варианты. Может быть, речь идет о римском орле. Может быть, о короне. Может быть, о гербе семьи Делон. Может быть, о каком-то латинском слове, которое он еще не заметил. Но каждая новая версия разваливалась почти сразу. Ни одна из них не связывала между собой все части загадки. Ни одна не объясняла одновременно и славу, и падение, и реку, и бессмертие.

Тогда он снова посмотрел на два нарисованных треугольника. В комнате стало удивительно тихо. Даже море будто отступило куда-то далеко. Дани медленно наложил один треугольник на другой. На листе появилась шестиконечная звезда.

Он замер.

Несколько секунд он просто смотрел на рисунок, не доверяя собственным глазам. Потом резко поднялся и снова начал ходить по комнате. Нет. Это слишком красиво. А красивые решения чаще всего оказываются ловушкой. Граф это прекрасно понимал. Значит, если ответ действительно здесь, он должен подтверждаться чем-то ещё.

Он вернулся к загадке. «Я знаю дорогу, ведущую в сердце мира, и руки, воздвигшие камни вечности». Камни вечности. Памятники. Монументы. Всё, что люди строят, чтобы победить время. Всё, что переживает своих создателей. Как пирамиды. Как Рим. Как память о великих людях. И тогда

последняя часть загадки наконец заняла свое место.

Цезарь был предан. Его жизнь закончилась падением. Но память о нём поднялась выше самой смерти. Его убили друзья, однако спустя две тысячи лет его имя знают миллионы людей. Он оказался бессмертен не телом, а памятью. Падение и возвышение. Смерть и вечность. Вниз и вверх. Два противоположных движения, соединенные в одном символе. Знак славы, преумножающий в веках.

Дани почувствовал, как по спине пробежал холодок. Теперь он почти не сомневался. Почти.

Потому что настоящий вопрос заключался не в том, правильно ли он понял знак. Настоящий вопрос был гораздо опаснее. Если ответом действительно является шестиконечная звезда, значит, граф спрятал её в замке не просто как символ. Она должна куда-то указывать. Она должна быть частью механизма. Частью кода. Частью дороги.

Он посмотрел в темноту за окном и впервые за весь вечер почувствовал не радость от разгадки, а тревогу.

— Дядя... — тихо произнёс он. — Мне кажется, я только что открыл первую дверь. Но за ней скрывается что-то гораздо большее.

Море продолжало шуметь внизу, а замок молчал. И это молчание почему-то казалось ему самым красноречивым ответом.

Ночные размышления Огюста.

Ночь опустилась на замок Делон медленно и тяжело. Один за другим гасли огни в коридорах, стихали голоса, закрывались двери гостевых комнат, и вскоре огромный замок остался наедине с морем, ветром и собственными тайнами. За высокими окнами волны с глухим упорством разбивались о скалы, а ветер, проходя между башнями, издавал протяжный звук, похожий на далекий вздох. Огюст бесшумно шел по пустой галерее. За десятилетия службы он научился двигаться так, что его шагов почти невозможно было услышать. Иногда ему казалось, что он давно перестал быть человеком и превратился в часть самого замка, в один из его старых механизмов, которые продолжают работать, пока существуют стены.

Он остановился у окна и долго смотрел на темное море. В отражении стекла он видел свое постаревшее лицо, глубокие морщины и усталые глаза человека, прожившего чужую жизнь. «Столько лет…» — подумал он. «Я служил здесь дольше, чем многие из них живут на свете. Я открывал двери графу и его отцу. Я встречал гостей. Я провожал покойников. Я видел рождение детей и слышал последние слова умирающих. Я знал этот дом лучше любого архитектора, но всегда оставался лишь слугой». Он медленно провёл рукой по холодному камню стены. «Я был тенью. Всю жизнь я был

тенью».

Эта мысль больно отозвалась внутри. Впервые за долгие годы он позволил себе сказать правду. Миллион евро, обещанный проигравшим наследникам, больше не казался ему богатством. Деньги могли изменить жизнь, но не могли изменить прошлое. А вот замок... Замок был другим. Башни, библиотека, старые часы, каминный зал, винные погреба, галереи, окна, выходящие к морю, — всё это было его жизнью. Он знал каждый скрип половиц, каждую трещину в кладке, каждый запах старого дерева и воска. «Мне не нужен миллион», — признался он самому себе. «Мне нужен замок». И впервые эти слова не испугали его.

Где-то в глубине старых стен неожиданно послышался звук. Очень слабый, почти неуловимый. Словно тяжёлый камень на мгновение сдвинулся с места. Огюст замер. Его сердце ударило сильнее. Он прислушался. Тишина. Только море за окнами. Но внутри уже возникла уверенность. Тайная комната существовала. Она была не легендой, не красивой семейной историей, не выдумкой для детей. Она была реальна. Где-то здесь, за этими стенами, за этими коридорами, среди сотен старых камней скрывалось сердце замка.

Мысли его сразу вернулись к Дани. За ужином он внимательно наблюдал за племянником графа и видел то, чего не замечали другие. Спокойствие. Уверенность. Терпение. Дани отвечал уклончиво, говорил загадками и почти не показывал эмоций. Так ведут себя люди, которые уже держат

в руках часть ответа. «Ты слишком спокоен», — подумал Огюст. «Слишком внимательно слушаешь. Слишком мало говоришь. Ты что-то понял». Старый слуга направился к восточному крылу и остановился в тени арки. Вдали виднелось окно комнаты Дани. За шторами ещё горел свет. Иногда по стене скользила тень человека, который ходил по комнате и о чём-то напряженно размышлял. Огюст долго стоял неподвижно, наблюдая за этим светом. «Да, Дани», — прошептал он. «Ты умный мальчик. Но ты не единственный, кто ищет ответы».

На следующую ночь он решился на большее. Когда замок окончательно уснул, Огюст поднялся на второй этаж и осторожно подошёл к двери комнаты Дани. Изнутри доносился тихий скрип пера, иногда слышались шаги. Огюст прислонился к стене и замер. Он чувствовал себя преступником и одновременно человеком, который борется за собственную судьбу. Внутри своей комнаты, Дани негромко произносил отдельные слова. До старого слуги долетали лишь обрывки. «Свет... время... треугольник...» Огюст почувствовал, как холод пробежал по позвоночнику. Эти слова были частью загадки. Часть ключа уже складывалась в сознании Дани. Внезапно внутри комнаты скрипнул стул. Шаги приблизились к двери. Огюст мгновенно отступил в темноту. Сердце билось так сильно, что ему казалось — сейчас его услышат через всю галерею. Но дверь не открылась. Шаги снова удалились. Лишь тогда он смог выдохнуть. «Он близко», — подумал

Огюст. «Очень близко».

С этого дня сон почти покинул его. Ночи превратились в бесконечные блуждания по замку. Иногда ему казалось, что сам дом разговаривает с ним. Неровности старой кладки складывались в странные символы. Тени образовывали треугольники. Пламя свечей дрожало так, будто пыталось что-то показать. Особенно часто он останавливался перед портретом покойного графа. В полумраке библиотеки ему начинало казаться, что глаза на портрете следят за каждым его движением. «Ты испытываешь меня?» — спрашивал Огюст мысленно. «Или предупреждаешь?» Ответом оставалось молчание.

Однажды ночью его шаги привели его в библиотеку. Огромный зал был погружен в полумрак. Огюст зажёг несколько свечей и долго стоял между высокими книжными шкафами. Его взгляд случайно остановился на старых медицинских трактатах. Он достал один том, потом другой. Латинские названия привлекли его внимание. Книги рассказывали о ядах, лекарствах, травах и веществах, которые могли дарить жизнь или отнимать её. Он открыл одну из них. Белладонна. Аконит. Кураре. Строки плыли перед глазами. Огюст медленно закрыл книгу и долго смотрел на обложку.

Ему стало страшно. Не от книг. От самого себя. Потому что впервые в жизни он поймал себя на мысли, которую раньше не позволил бы даже представить. Что будет, если кто-то окажется слишком близко к разгадке? Что будет, ес-

ли замок ускользнет от него? Он резко захлопнул книгу и прижал её к груди. «Я не убийца», — прошептал он. Потом повторил ещё раз. Тише. Медленнее. Словно убеждая самого себя. Но где-то глубоко внутри уже появился другой голос. Опасный. Тёмный. Голос, который спрашивал: «А если судьба не оставит тебе выбора?»

Свеча затрещала. Тени задвигались по стенам библиотеки. Огюст сидел один среди тысяч книг, мучимый сомнениями, страхом и надеждой. Он ещё не переступил черту. Ещё не стал злодеем. Но впервые за долгие годы понял, насколько сильным может быть желание обладать тем, что любишь. Где-то далеко в глубине замка снова послышался едва заметный скрежет камня. И тогда Огюст окончательно осознал: он больше не слуга, наблюдающий за чужой игрой. Теперь он сам стал её участником. А возможно — и самым опасным из всех игроков.

Однажды поздно вечером, проходя по коридору, Огюст машинально скользнул взглядом по каменной кладке и вдруг остановился. На одной из плит виднелась тонкая царапина. На первый взгляд она казалась случайной, словно кто-то много лет назад задел камень ножом или металлическим предметом. Но что-то заставило его подойти ближе. Он наклонился и внимательно всмотрелся. Линия оказалась частью рисунка. Теперь он видел это совершенно ясно. Две пересекающиеся дуги образовывали странный символ, а в самом центре находилась маленькая точка. Знак выглядел

древним и одновременно удивительно знакомым, будто он видел его раньше — во сне, в старой книге или в одном из бесконечных коридоров своей памяти, но никак не мог вспомнить где именно.

Сердце Огюста забилось быстрее. Он осторожно провёл пальцем по царапине. Камень оказался ледяным. Не просто холодным, а именно ледяным, словно внутри стены скрывалась не пустота, а сама ночь, застывшая в камне много веков назад. Огюст резко отдернул руку. По его спине пробежала дрожь, а в висках неприятно застучала кровь. Несколько секунд он стоял неподвижно, не отрывая взгляда от символа. Коридор вокруг был пуст. Свечи горели ровно. Но ему вдруг показалось, что тишина стала иной. Более глубокой. Более внимательной.

«Это оно... Это знак. Но откуда он здесь?»

Он нахмурился и снова посмотрел на плиту.

«Я проходил по этому коридору тысячи раз. Тысячи. Я знаю здесь каждый камень, каждую трещину, каждую ступеньку. Я мог бы пройти этот путь с закрытыми глазами. Почему я никогда не видел этого раньше?»

Он ещё несколько секунд пытался убедить себя, что просто не обращал внимания. Но внутри уже зародилось другое чувство. Опасное. Похожее на надежду. Надежду человека, который слишком долго ждал чуда и вдруг увидел перед собой его возможный след.

«Боже милостивый... Это действительно существует? Или

я начинаю видеть то, чего нет?»

С этого дня всё стало меняться. Чем больше он искал, тем больше находил. В узорах старой плитки начинали проступать геометрические фигуры. В трещинах кладки угадывались линии, напоминающие древние карты. На потемневших от времени стенах взгляд неожиданно выхватывал символы, которых раньше словно не существовало. В библиотеке его глаза снова и снова возвращались к одним и тем же страницам старинных книг, и порой ему казалось, что буквы меняются местами, складываясь в новые слова, едва заметные, исчезающие прежде, чем он успевал прочитать их до конца.

Иногда, проходя мимо каминов, он слышал в завывании ветра не просто шум воздуха, а обрывки фраз. Словно кто-то говорил за стеной. Словно древние камни пытались вспомнить язык, на котором были созданы. Несколько раз он останавливался посреди галереи, уверенный, что только что услышал своё имя. Он резко оборачивался. Но вокруг никого не было. Только длинные коридоры. Старые портреты. Колеблющиеся огоньки свечей. И тишина. Такая тишина, которая начинала звучать громче любого человеческого голоса.

«Это безумие», — говорил он себе.

Но спустя мгновение возникала другая мысль.

«А если это откровение?»

Чем сильнее росли сомнения, тем крепче становилась его вера в то, что замок живёт собственной жизнью. Огюст всё

чаще ловил себя на мысли, что тайная комната — не просто помещение, сокрытое за стеной. Возможно, замок сам выбирает человека, которому позволит приблизиться к своей тайне. Возможно, все эти годы он наблюдал. Ждал. Проверял. И теперь впервые решил ответить.

Однако вместе с надеждой рос и страх. По ночам Огюст всё чаще сидел один в библиотеке или бродил по пустым коридорам, задавая себе один и тот же вопрос.

«А если всё это существует только в моей голове?»

Он смотрел на свои дрожащие руки, на отражение в темных окнах и видел старика, прожившего всю жизнь среди чужих секретов. Старика, который слишком долго был тенью.

«Я стар. Я одинок. Может быть, это всего лишь усталость. Может быть, Господь наказывает меня за гордыню. За то, что я посмел захотеть замок для себя».

Но затем он вспоминал знак на камне. Вспоминал странные совпадения. Вспоминал ночной скрежет, который слышал уже не один раз. И сомнения вновь уступали место решимости.

«Нет. Если знаки существуют, если граф действительно оставил путь, я обязан пройти его до конца. Даже если потеряю покой. Даже если потеряю сон. Даже если потеряю рассудок».

И всё же он никому не говорил ни слова. Ни Виктории. Ни нотариусу. Ни родственникам. Особенно Дани.

Огюст всё чаще наблюдал за ним издалека. Видел, как тот

работает в библиотеке, как делает записи, как подолгу рассматривает карты, старые книги и семейные архивы. Видел его спокойствие. Его терпение. Его уверенность.

«Он не похож на остальных», — думал Огюст. «Он не ищет глазами, как они. Он словно ждёт, когда ответ сам придёт к нему».

Эта мысль тревожила старого слугу сильнее всего.

«Может быть, замок говорит и с ним. Только яснее, чем со мной».

Однажды ночью, наблюдая за освещенным окном комнаты Дани Огюст почувствовал укол почти физической боли.

«Если замок выберет его... тогда зачем я прожил здесь всю жизнь? Зачем открывал двери? Зачем хранил чужие тайны? Зачем оставался рядом, когда остальные приезжали и уезжали? Неужели лишь для того, чтобы в конце увидеть, как всё достанется человеку, который появился здесь всего несколько дней назад?»

Он закрыл глаза. Внутри словно столкнулись две силы. Верность и зависть. Служение и желание обладать. Свет и тьма. Вера и безумие.

Он стоял у окна и смотрел на море. Небо над скалами было чёрным. Луна скрылась за облаками. Лишь далёкие огни яхт мерцали на горизонте, словно звёзды, утонувшие в воде. Замок за его спиной молчал, но Огюст всё сильнее чувствовал на себе его присутствие. Ему казалось, что стены наблюдают за ним. Что портреты следят за каждым движением.

Что сам граф Делон смотрит на него из глубины прошлого и ждёт решения.

— Господи... — прошептал Огюст. — Дай мне знак. Но только настоящий. Иначе я не выдержу. Его голос растворился в шуме ветра. Ответа не последовало. Лишь где-то далеко, в самой глубине замка, снова послышался едва заметный скрежет камня. На этот раз он прозвучал чуть дольше. Чуть отчетливее. Словно кто-то медленно открывал дверь, которую не открывали уже много десятилетий. Огюст замер. Сердце остановилось на одно короткое мгновение. А затем забилось ещё сильнее. И впервые за всё это время он уже не был уверен, услышал этот звук на самом деле или только хотел его услышать.

Замок погрузился в тишину, но она была обманчива. В каждом крыле дома продолжали звучать шёпоты и тяжёлые мысли. Свечи догорали, коридоры тускнели, и только море за окнами шумело в своём вечном ритме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.